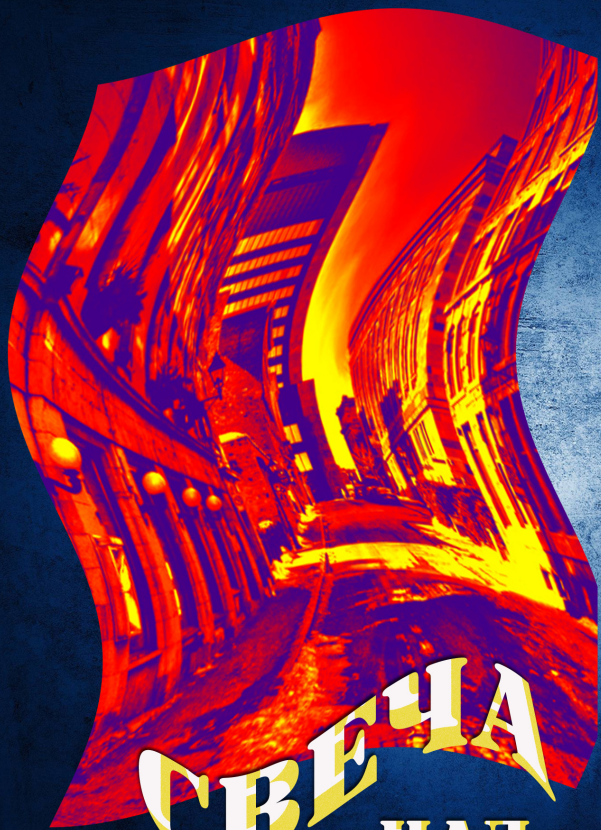

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВ

**СВЕЧА
НАД
ПРОПАСТЬЮ**

Александр Владимиров

Свеча над пропастью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43720936

*Свеча над пропастью:
ISBN 978-5-901635-80-3*

Аннотация

В небольшом русском городке вспыхивают эпидемии неизлечимых болезней. Над каждым кварталом, каждым домом нависает тень страха. Город в панике, воцаряется хаос. В чем причина страшной трагедии? Как помочь людям?

Содержание

Интермедия	5
Часть первая	23
Глава первая	23
Глава вторая	39
Глава третья	57
Глава четвертая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Александр Владимиров

Свеча над пропастью

© Александр Владимиров. Текст, 2019

© Издательский центр «ЛиК», 2019

© Издательский дом «Кислород», 2019

Интермедия

«Он приоткрывает тебе занавес великой трагедии...»

«...ОН приоткрывает тебе занавес великой трагедии...»

Голос прозвучал так неожиданно и страшно, что Виктор Онежского прошиб пот. Он открыл глаза и бессмысленно уставился в царившую вокруг черноту. В комнате никого не было, да и кто бы стал проникать ночью в его дом, чтобы произнести странную фразу. Какой занавес? Какая трагедия? Виктор понял, что ему приснился сон и снова сомкнул веки. Но через некоторое время раздался тот же голос, повторивший еще раз:

– ОН приоткрывает тебе занавес великой трагедии.

По интонации не чувствовалось, будто Виктора собираются запугивать, нет, это – информация, обычная констатация факта. Онежский вскочил, включил свет, осмотрел свою спальню...

Ему показалось?.. Показалось дважды?

Он погасил свет, стараясь успокоиться. Мысль о том, что кто-то с ним ГОВОРИЛ, не оставляла в покое. И тогда Онежский сам задал мысленно вопрос неизвестному собеседнику:

– Почему именно мне приоткрывается этот занавес?

Ответа не последовало. Очевидно, Виктор должен был ис-

кать его сам. Тогда он решился спросить другое:

– Кто ОН? И где искать ЕГО?

Томительно текли минуты, складываясь в часы.

Неведомый собеседник безмолвствовал. Постепенно Виктор пришел к правильному логическому выводу, что ему ПОКАЗАЛОСЬ. Его снова сморил сон, который, однако, стал продолжением всей этой необъяснимой ситуации...

Ночь сменилась ярким полднем, Виктор шел по улицам Москвы, невольно вглядывался в лица прохожих, ожидая увидеть ЕГО. Кто-то сторонился от чересчур пытливого взгляда молодого человека, у кого-то недобро блестели глаза, и только девушки смотрели на Виктора с нескрываемым интересом, хотя его вид явно говорил, что он не из крутых и в кармане у него не так много зеленой плесени, этого жестокого кумира как удачливых, так выброшенных на обочину дороги беспощадным капитализмом. Но в данную минуту девушки были забыты, Виктор не думал ни о чем, кроме как о встрече с таинственным незнакомцем.

Улицы сменяли одна другую. Виктор осмотрелся.

Оказывается он уже на Воробьевых Горах. Как же он любил это место, как часто приходил сюда, чтобы полюбоваться тихими водами Москвы-реки, а потом пройтись возле величественного здания Московского университета. Здание притягивало Виктора своей монументальностью, четкостью форм, устремленными в небо куполами; оно отражало величие эпохи Мудрого Железного Вождя, невольно пробужда-

ло героический дух того ушедшего времени, который обеспечил и победу над ничтожными обывательскими устремлениями и проникновение в тайны Земли и Космоса. Может быть, ОН здесь, специально встречает Виктора у храма Ее величества Науки? Но вокруг суетились какие-то люди, поражавшие серостью и удивительной бедностью языка. Как диссонанс прошедшей Великой Эпохи зазвучали их одинаковые, бессмысленные фразы: «Какая разница, где лямку тянуть? Важно, сколько баксов тебе за это отстегивают...»

И никто из них не подошел к Виктору, не сказал:

– Это я должен приоткрыть тебе занавес великой трагедии!

Ему показалось, что глаза людей стекленеют, наливаются кровью. Они уже не говорят, они лают. И в этом лае слышится:

– Баксы!.. Баксы!.. БАКСЫ!

Неистовый лай заливает Воробьевы Горы...

Утром Виктор вспоминал о событиях ночи со странным противоречивым чувством: с одной стороны он убеждал себя, что таинственный голос – тоже часть сна, с другой – ни на секунду не забывал об удивительной реальности его звучания. Виктор искал всему этому объяснение, но не находил. Может, ту фразу произнес кто-то во дворе дома? Произнес так громко, что он ее услышал?..

Нет, ее ПРОИЗНЕСЛИ В КОМНАТЕ!

Вошла мать и коротко бросила:

– Еще в постели? В институт опоздаешь.

– Встаю, встаю! – Виктор сбросил одеяло.

– Завтрак на столе. Мне пора на работу.

– Мама, – осторожно сказал Виктор. – Ты ничего не слышала этой ночью?

– Ночью? – брови матери удивленно взлетели, на лице появилась некоторая тревога. – А что?

– Наверное, мне показалось.

– Что показалось?!

– Кто-то громко разговаривал в нашем дворе.

– Ночью мы спим! – резко бросила мать. – Не забудь, мы живем в условиях потогонной системы. Нам с твоим отцом нужен хоть какой-то отдых. Он уже ушел на работу, и мне пора.

Виктор жевал бутерброды с ветчиной, даже не ощущая их вкуса. Его мысли по-прежнему были заняты странным ночным происшествием.

В институте он ничего никому не рассказал. Он вообще не делился сокровенным с приятелями, которых, кстати, кроме Сергея Цветкова, у него и не было. К Виктору относились с уважением как к серьезному парню, отличнику учебы, но... слишком не похож он на современного молодого человека постперестроечной эпохи. Он мало обращал внимания на «фактор моды» в одежде, прическе, не принимал столь характерные для сегодняшней жизни идеалы: не думал о том,

чтобы впоследствии открыть собственное дело и стать «крутым бизнесменом», не знал названий модных групп и певцов, не торчал в барах, не баловался наркотическим зельем. Обладая привлекательной внешностью, он не слыл Дон Жуаном, некоторое время встречался с девушкой с параллельного курса, но, застав ее за легким флиртом, резко порвал всякие отношения.

Лектора он сегодня слушал вполуха, неведомый голос прошедшей ночи продолжал терзать его мозг. Виктор еле дождался окончания лекций и поспешил в институтскую библиотеку. Он договорился с библиотекарем и взял домой целую кипу книг по психиатрии, психологии и даже несколько философских трудов, где ученые пытались дать объяснение всяким невероятным явлениям. Разные авторы выдвигали абсолютно противоположные концепции: от легких галлюцинаторных видений до серьезного психического расстройства, от слухового обмана до паранормальных явлений. Виктор читал до поздней ночи, пока не почувствовал усталость и головную боль. Концепций много, но какая из них является истинной?

Он разделся, лег в кровать. Он невольно ждал неведомого ГОЛОСА, но время шло, а он так и не прозвучал. И вот уже Виктора все больше начинал грызть червь сомнения. А действительно ли он СЛЫШАЛ ГОЛОС? Сомнение принесло ему некоторое облегчение, он засыпал с надеждой позабыть эту поразительную и непонятную историю.

Однако сон не разрешил его проблем, наоборот, как и в прошлую ночь, он бросил Виктора на улицы Москвы в самый разгар дня; юноша шел и вновь вглядывался в проходящих мимо людей в надежде встретить ЕГО и узнать тайну Великой Трагедии. Опять мелькали улицы и тысячи, сотни тысяч лиц. Виктор побывал даже на Красной площади, центре России, Мира, Вселенной, где когда-то, в глубоком детстве впервые застыл перед башнями Кремля, удивительным чудом архитектурного зодчества, перед российскими державными символами – Царь-пушкой и Царь-колоколом и радушными куполами храма Василия Блаженного. Но сегодня даже здесь, в цитадели Третьего Рима, Виктора окружали похожие на серых мышек люди, шептавшие или кричащие знакомое до боли слово: «Баксы!.. Баксы!.. БАКСЫ!»

Какая-то сила уводила Виктора все дальше. Кривыми, тихими, словно символизирующими царство благоденствия улочками он вышел на Старый Арбат, место поклонения многих великих поэтов и прозаиков. К сожалению нынешний Арбат мало похож на тот, что описывали классики, и так сильно напоминал непонятное для России «торгашеское безумие»: то вам предлагают расписные матрешки – пародию на надоевших до смерти политических лидеров (зачем пародировать то, что и так является жалкой пародией?), то флажки всех направлений и расцветок; возьми любой и ощути себя, кем пожелаешь! Вот ты отважный борец с коммунистической тиранией, вот, наоборот, несговорчивый с пре-

ступной властью коммунист, вот возрожденный из анналов истории монархист, а вот возникший из небытия власовец. Меняй убеждения, как капризная кинозвезда кавалеров, покупай новую форму для жуткой игры, от которой стонут и разрушаются даже камни. А по мостовой Арбата, ничего не замечая, несутся своры артистов – как удачливых, так и пытающихся пробить непроходимую в наших условиях стену. Последние отчаянно играют на гитаре, исполняют собственные «шедевры», больше похожие на крик и вопли, стараются хоть как-то привлечь к себе внимание уставшей, равнодушной толпы. И тщетно!

Неожиданно огромный поток, в котором мелькали в столь далекой для Виктора реальности комичные и трагические персонажи нового времени, исчез. Крики торговцев и певцов уступили место... колокольному звону. Да, да, над Арбатом разлился чудный колокольный звон, даря удивительную по своей красоте мелодию. Сотни колоколов погрузили Виктора в мир теплоты и спокойствия; юноша невольно оказался в далеком прошлом, когда эта улица была улицей Святого Николая, и множество церквей радовали глаз настоящей красотой Русского Праздника. Неведомые горожане, прародители Великой Страны, приветливо кивали потомку, нежелающему принять идеологию собственной смерти. Виктор ощутил дыхание последних дней весны, аромат наступающего лета. Горячие солнечные лучи преломлялись в золоте церковных куполов, слепили глаза. Виктор постоянно оглядывался, ди-

вась чуду. Но, может быть, он вовсе и не в Прошлом, а в Будущем?

И тут звон изменился, стал таким печальным, что у Виктора защемило сердце. Это был настоящий плач; так плачут, когда умирают самые близкие и дорогие нам люди. Плач перешел в стон, такое ощущение, что стонала земля под ногами, стонал, не стыдясь и не сдерживая эмоций, весь русский народ! Так рыдают, когда нападает враг, и лучшие люди, не задумываясь, отдают молодые жизни за каждую пядь земли! Так рыдают, когда невероятно хитрые бестии рвут на части Победившую Державу, набивают несметным богатством свои ненасытные утробы, обрекая остальных на нищету и вымирание. Виктора охватил страх, он стал думать, как бежать с этого места обманчивой красоты. Но на пути его возник человек в огненно-красном плаще, с опущенным на лицо капюшоном. Неизвестный сказал:

– Ты ищешь меня...

– Вас? – удивленно переспросил Виктор.

– Конечно. Ведь именно я должен приоткрыть тебе занавес Великой трагедии.

– Я хочу знать, что за трагедия! – прошептал Онежский.

– Знать – мало. Многие знают, но далеко не каждый решается хотя бы попытаться что-либо изменить.

– Да, конечно... Но почему я?

– Поставим вопрос по-иному: почему не ты?

– Но я не президент, не олигарх. Я обычный студент, как

говорится, маленький человек.

– Видишь, ты уже сомневаешься в своих силах. Маленьким человек делает себя сам. «Маленький» часто предшествует слову «ничтожный». С ничтожеством не церемонятся. Ничтожные и покорные не менее страшны, чем те, кто с таким упорством накидывает петлю на наш мир.

– Моя ошибка! – Виктор опустил голову. Хотя он и не видел лица собеседника, но ощущал лед и пламень, одновременно исходящие из его пронизывающих глаз.

– Ты ошибаешься, – подтвердил человек в плаще. – Никогда впредь не именууй себя маленьким человеком. Договорились?

– Договорились.

...Вновь в ушах звенит скорбный колокольный звон...

Этот звон будто призывает Виктора к борьбе!

– Что нужно сделать для предотвращения трагедии? Я готов! Готов на все!

– Уверен?

– Да!

– Что ж, – произнес человек в плаще. – Раз твоя искренность идет от сердца... Для начала нужно ПОНЯТЬ.

– Понять?

Незнакомец вновь кивнул и протянул Виктору небольшой пакет. Развернув его, Онежский обнаружил две вещи: ключ и железнодорожный билет на свое имя. Поезд отходил с Курского вокзала менее чем через час.

– Поспеши, – сказал незнакомец.

– Но куда я должен ехать? Итак, станция... (Виктор прочитал ее название). Это город? Поселок?

– Имеет ли значение, где происходит трагедия: в огромном городе или маленьком населенном пункте?

– Не имеет.

– Когда поезд остановится, и ты выйдешь, перед тобой будет большая извилистая тропинка.

– Извилистая тропинка? Но их может быть несколько.

– Она там одна и она поведет тебя через лес. Иди и ничего не бойся. Дорога выведет к большому старому дому. Этим ключом отпредишь дверь, осторожно поднимаешься по ступенькам на второй этаж.

– Почему осторожно?

– Дом слишком обветшал, одно неловкое движение и ступеньки могут не выдержать, рухнуть. На втором этаже увидишь самый большой зал, на трех стенах которого нарисованы картины. Внимательно осмотри каждую. Но опять же: слишком долго возле них не стой, помни, пол ветхий, может провалиться. Постарайся запомнить каждую деталь каждой картины, а потом спускайся вниз и поскорее покидай дом.

– И что дальше?

– Возвращайся на станцию, а оттуда – обратно в Москву.

– Но я не совсем понимаю?..

Виктор оборвал себя на полуфразе, потому что задавать вопрос было некому, таинственный незнакомец исчез, а

вслед за этим исчез, растворился колокольный звон. Виктор опять стоял среди шума толпы, слышал крики торговцев, отчаянное пение несостоявшихся звезд. Все как обычно – серо и буднично. Так был незнакомец или это лишь удивительное видение, обусловленное неистовым желанием Виктора вырваться из опостылевшей реальности?

Однако в руке он держал... ключ и билет?! Билет на поезд!

«Поезд отходит через сорок пять минут. Надо успеть!»

Виктор бросился к ближайшему метро, но на пути его встала толпа, густевшая и густевшая, словно по чьему-то злому умыслу. Голоса и поведение владельцев торговых точек сделались все более назойливыми, они хватили Виктора за одежду, пытаясь насильно всучить ему свои уродливые матерешки. Не без труда Онежский прорвался через этот гудящий заслон. Он успел к самому отправлению поезда, проводница взяла билет, посмотрела на Виктора странным взглядом больших голубых глаз и предложила пройти в вагон. Виктор вошел, присел на свое место, прислонился к спинке и внимательно наблюдал за пассажирами в купе. Обычные люди, каждый занят собой.

Поезд тронулся, унося Онежского к неизвестной станции. Поглощенный воспоминаниями об удивительном разговоре с незнакомцем, Виктор не сразу сказал себе главное: «Стоп! А долго мне ехать?». Он спохватился и спросил пассажиров, но те лишь пожимали плечами и говорили, что такой оста-

новки нет. Удивленный Виктор бросился к расписанию. Точно, нет! Он подошел к проводнице.

– Простите, но мне сказали, что поезд не останавливается на моей станции. Я еду до...

– Мне известно, куда вы едете, – ответила проводница. – Ваши попутчики просто не в курсе того, что с некоторых пор **ПОЕЗД ТАМ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ.**

– Понятно, – успокоился Виктор. – А долго мне ехать?

– Я предупрежу, когда выходить.

Еще более озадаченный таким уклончивым ответом Виктор вернулся в купе. За окном мелькали то бесконечный зеленый лес, то огромные поля. И вдруг поезд начал замедлять ход. Возникшая перед Онежским голубоглазая проводница предупредила:

– Вам выходить. Поторопитесь. Поезд стоит здесь всего минуту.

Виктор бросился к выходу и услышал голос одного из пассажиров:

– Надо же, сколько езжу, не припомню, чтобы тут была остановка.

Виктор вышел, но не увидел ни здания вокзала, ни встречающих или провожающих людей. Перед ним – лесная зона, вглубь которой убегала большая извилистая тропинка. Видимо, о ней говорил незнакомец в красном плаще. Онежский ступил на нее и двинулся лесом.

Он шел довольно долго, лес густел, через зелень деревьев

с трудом просматривались пятна света. Виктор вдруг подумал, что его разыграли или еще хуже – заманили в ловушку. Но кому и зачем это нужно?

Однако вскоре Онежский вышел на поляну, на которой действительно стоял дом. Он был огромный, издали напоминал старорусский терем изумительной работы. Но, подойдя ближе, юноша увидел, что незнакомец в красном плаще прав: здание отсырело, обветшало. Забор, окружающий дом, вообще представлял собой жалкое зрелище: во многих местах зияли дыры. Виктор толкнул ворота, те жалобно заскрипели и чуть было не свалились с петель.

Чем ближе Виктор подходил к дверям неведомого особняка, тем сильнее у него колотилось сердце. Возникло желание повернуть назад, желание настолько сильное, что Виктор с трудом справлялся с ним. («Зачем тогда надо было совершать это путешествие?!»)

Онежский сунул руку в карман, вытащил ключ, медленно взошел на крыльцо, ступеньки которого зашатались, казалось, вот-вот и они провалятся. Ключ вошел в заржавевшую замочную скважину, с трудом повернулся, и дверь таинственного особняка открылась. Прежде чем переступить порог, Виктор припомнил все, что говорил ему человек в красном плаще... Надо подняться на второй этаж, подняться осторожно, дабы не обрушилась лестница... «Странно, такой прекрасный дом и в запустении? Неужели ни у кого никогда не возникало желания привести здесь все в порядок?»

Проникавший через разбитые окна и косые щели в стенах свет помог Виктору рассмотреть детали окружающей обстановки. Комнаты первого этажа были обставлены красивой, резной, старинной мебелью. Но красоту портили паутина и толстые слои пыли, которые покрывали все плотным серым ковром; остановившиеся настенные часы словно символизировали смерть. «Смерть! – Виктор невольно вздрогнул при этом слове. – Дом умер?! Но почему?.. Ведь в когда-то здесь наверняка бурлила жизнь!».

Он прошел дальше по комнатам. «Господи, как же мрачно! Как пахнет сыростью! И как тихо...» Именно гулкая тишина угнетала Онежского более всего. И тут он увидел в центре зала большую деревянную лестницу. Виктор подошел к ней, но невольно остановился...

Безмолвие как будто прорезал шорох. Сначала Виктор решил, что это просто легкий шум от его собственных шагов. Нет... В доме есть кто-то кроме него. И этот неведомый «кто-то» пытается бесшумно подобраться к незваному гостю?..

Виктор оглянулся, но никого не заметил. Тем не менее, странные звуки не затихали, у Виктора снова возникло желание убежать отсюда. И опять он его переборол.

По лестнице вверх! Как и предупреждал незнакомец, ступеньки качались под ногами. Чем выше поднимался Виктор, тем все более чувствовалась их ветхость. Вот одна из них треснула под ногами, Онежский едва успел перескочить на

следующую...

И сразу шорох усилился, точно неведомые глаза наблюдали за Виктором и радовались любому его провалу.

– Эй! – крикнул Виктор. – Кто вы?!

Ядовитое молчание, а затем как будто раздался... смех.

«Или у меня галлюцинации, или за мной и впрямь НАБЛЮДАЮТ?»

Еще несколько шагов, вот он уже на втором этаже. Он мало чем отличается от первого: те же большие комнаты, где все подернуто паутиной, покрыто пылью красивая резная мебель. Виктору нужно найти самый большой зал, на трех стенах которого – картины. Кажется, это он... Точно, и стены здесь в каких-то рисунках, которых, как ни странно, будто бы и не коснулась паутина.

В вновь внимание Виктора отвлек шорох, нет, не просто шорох, теперь его сопровождал пронзительный тонкий писк. Онежский наконец увидел своих «соглядатаев»... Целая стая крыс крутилась недалеко, и когда он сделал угрожающий шаг и резкий жест рукой, бросилась в разные стороны. У Виктора от омерзения закружилась голова. Он глубоко вздохнул и внимательно посмотрел на один из рисунков.

Он сразу отметил высокий профессионализм художника. Каждая деталь, каждая черточка были выписаны настоящим мастером и наполнены реальной жизнью. Виктор ощутил, что невольно проникает в судьбу неизвестной ему женщины на первом рисунке (лучше сказать, картине). Женщина эта

с удивительно правильными и красивыми чертами лица, однако глаза ее не сияют счастьем, в них – грусть, отчаяние и страх.

На шее незнакомки – шелковая накидка; у Онежского вдруг возникло чувство, что это не накидка, а удавка, что женщина задыхается от ужаса и боли, но сделать ничего не может.

Незнакомка стояла на фоне больших ультрасовременных домов какого-то города. Внешне этот город кажется довольно привлекательным, но... что-то здесь не так! Что?.. ТЕМНЫЕ ПЯТНА покрыли стены домов, улицы, покрыли всю картину.

Онежский готов был без конца смотреть в глаза незнакомки, однако вовремя вспомнил предупреждение: «...слишком долго возле них не стой, помни, пол ветхий, можно провалиться». Кроме того, он вновь услышал крысиный писк. Эти твари коварны и опасны!

Виктор подошел ко второй картине. Та же женщина, только в более молодом возрасте? Совсем юная девушка... Нет, что-то отличало ее от женщины на первой картине. То была ее старшая сестра? Поразительное сходство!.. Девушка смотрела на Виктора и как будто умоляла ей помочь. Онежский не выдержал, прошептал:

– Что я должен сделать для тебя?

Разве мог ему что-то ответить нарисованный на стене образ страдающей красавицы?..

Оставалась последняя картина. Господи, да это же новый Вавилон! Несущиеся куда-то в панике люди. А над ними летают, кружатся темные пятна, имеющие вид жутких монстров. Да и сами люди какие-то странные, в большинстве своем с обезображенными болезнями лицами.

Зловещий вид гибели неизвестного города настолько потряс Виктора, что он, застыв у картины, окончательно забыл о времени, забыл обо всем на свете. Занавес великой трагедии приоткрыт, но что это за город? Где искать его? Чем помочь его жителям и конкретно тем двум женщинам?

С потолка посыпалась штукатурка. Грозное предупреждение не задерживаться здесь вновь застучало в голове. Виктор заметил, что крысы его уже не боятся и сбиваются в огромную стаю. Он быстро направился к лестнице. Теперь вниз, вниз! Только осторожно, чтобы не скатиться по хилым ступенькам.

Писк крыс стал громким и воинственным, стая призывала под свои знамена серых тварей с первого этажа. Виктор уже не думал о ветхости дома, о дырявом поле, он отчаянно рвался к двери.

Наконец-то он выскочил из особняка и помчался лесной тропинкой к железной дороге. Он не думал о том, когда придет поезд. И остановится ли он здесь? Он радовался, что дышит ароматом леса, а не чахлым воздухом полного ловушек особняка, что слышит птичье пение, а не страшный крысиный писк...

Виктор разомкнул веки. Он даже не сразу сообразил, что спал, и все это ему только приснилось. Липкий, холодный пот стекал по лицу. Перед глазами по-прежнему мелькали комнаты странного особняка, а в ушах стоял скрип лестниц, сопровождаемый отвратительным писком крыс. А затем возникли все три картины в своих мельчайших подробностях. Занавес Великой Трагедии приоткрыт.

Приоткрыт? Каково же название станции, где он вышел?.. Вот этого он вспомнить не смог, как не пытался.

Виктор ожидал, что увидит продолжение сна, что таинственный голос снова зазвучит, помогая хоть немного приблизиться к раскрытию загадки. Однако время шло, Онежский не слышал никаких голосов, и подобные сны к нему больше не возвращались. Постепенно он стал забывать об удивительном происшествии.

Виктор закончил юридический институт, был оставлен в аспирантуре, где и защитил кандидатскую диссертацию. О Викторе Ивановиче Онежском говорили как о молодом перспективном ученом, предлагали заведовать кафедрой, но он предпочел иную сферу деятельности. Таинственный город с несчастными жителями окончательно превратился в фантазию. Онежский находил ей множество всевозможных объяснений. **ВЕЛИКАЯ ТРАГЕДИЯ...** Она сейчас преследует всю Россию. И не нужно приоткрывать никакого занавеса, чтобы понять ее.

Часть первая

Глава первая Странный праздник

Центральные улицы сверкали иллюминацией, заманчивые надписи приглашали посетить то или иное кафе, тот или иной ресторан; рядом, на фасадах зданий горели и более «серьезные» предложения: положить деньги в «самый надежный на свете банк», или по сносным ценам отдохнуть где-нибудь в Испании или Греции. . . Различные увеселительные заведения постоянно взрывались хохотом и музыкой. Центр маленького Алексеевска как мог подражал современным крупным городам России.

Никто не обращал внимания на этого, неспешно прогуливающегося Человека; слишком уж неприметным он выглядел на фоне молодых людей в модных, ярких прикидах. Впрочем, его это не волновало, он обожал одиночество, являвшееся его стихией, смыслом жизни.

Шум центра стал его раздражать. Человек почувствовал облегчение, когда свернул в переулок и дворами вышел в другой мир Алексеевска, мир тусклых фонарей и редких прохожих. Человек предвкушал скорое возвращение домой,

в свою одинокую, «холостяцкую» квартиру. У него осталась недопитая бутылка коньяка, а в холодильнике... О, у него забит холодильник всякой всячиной! Человек улыбнулся, желание набить желудок было его высшей целью. Дом уже скоро, всего два квартала. Разве он мог подумать, что за ним следят...

Черная тень мелькнула рядом. И вдруг раздался жесткий повелительный окрик:

– Стой!

Человек остановился, посмотрел на приближающуюся тень, сурово сдвинул брови:

– Не подходи, а то!..

– Стой! – повторила тень. – Тебя ждет Хозяин.

Слово «Хозяин» подействовало магически, Человек сразу почувствовал себя маленьким-маленьким, букашкой, которую можно растоптать неосторожным движением, пылью, которую в секунду развеет ветер.

– Иди вперед! – приказал металлический голос. – Дойдешь до конца улицы. Там стоит лимузин. Сядешь в него. Он доставит тебя к Хозяину.

– Но зачем?..

Человек хотел спросить: «Зачем я понадобился Хозяину?», но тень исчезла. Ему осталось подчиниться и следовать приказу. Он шел, а мысль лихорадочно работала: «Что я сделал не так? Я молчал и буду молчать. Я бы просто не посмел...»

Ноги дрожали, не слушались. Человек не представлял, сможет ли дойти до конца улицы, не рухнет ли прямо здесь на асфальт. Нет, нет, он должен дойти, иначе Хозяин решит, будто он в чем-то виноват.

Дойти! Дойти!

Он увидел лимузин и едва подошел ближе, дверца распахнулась, послышался новый хлесткий приказ:

– Садись!

У Человека возникло безумное желание упасть на колени и молить о пощаде. Ведь он ничего не сделал, ничего никому не сказал. Так за что? За что?!..

Но он понимал, что тот, в машине ничего не решает, он только исполняет приказы Хозяина.

Человек осторожно протиснулся на заднее сидение.

Дверца захлопнулась, автомобиль резко рванул вперед. Некоторое время пленник просто сидел, трясся и только спустя некоторое время стал замечать отдельные детали вокруг себя. Пустой салон освещен мерцающим синим светом, место шофера отгорожено звуконепроницаемым стеклом. Пленник начал размышлять, анализировать ситуацию, отчаянно вспоминать: «Может, я где-то допустил ошибку? Случайно проболтался под пьяную лавочку?» Нет, он не проронил бы ни единого звука и в пьяном виде. Тут на карту поставлена его жизнь! Хозяин предательства не прощает.

Машина летела куда-то в ночь, и тут пленника обожгло новое страшное предположение: что, если никакого разгово-

ра вообще не будет? Что, если Хозяина обманули ложным доносом, а он поверил и принял страшное решение? Тогда конец всему!..

Мысль о том, что его везут на смерть, становилась нестерпимой. Пленник не выдержал, закричал, начал стучать в стекло кабины водителя. Да разве кто услышит его?

И вдруг... «Чего я боюсь? Если Хозяин решил избавиться от меня, предварительно не переговорив, он бы уже сделал это!»

Пленник немного успокоился и ждал окончания пытки неизвестностью. Машина остановилась, дверца открылась:

– Выходи!

Пленник вылез из автомобиля и огляделся. Перед ним – незнакомое темное здание, у двери светилась лишь небольшая лампочка. А что за зданием? Похоже, забор. Слышался лай собак...

– Где я? – пролепетал он.

Лампочка перед входом замигала, он понял: ему туда.

Пленник подошел к двери и заметил звонок. Рука не поднималась, как парализованная, но он все-таки дотянулся до звонка...

Он не понял, позвонил или нет, но дверь отворилась и возник незнакомец в черных одеждах:

– Проходите! – кратко бросил он.

Пленник вошел в вестибюль и чуть не ослеп от яркого света. Окончательно оробев, он безвольно, как будто заводная

кукла, переступал ногами вслед за незнакомцем. Они остановились возле лифта, двери которого автоматически открылись. Незнакомец кивком пригласил пленника в кабину, однако сам в нее не вошел.

Лифт медленно тронулся, пленник не сразу сообразил, что идет он не вверх, а вниз. Внезапно в кабине погас свет, и Человек решил, что его отправили в преисподнюю.

Но вот лифт остановился и кабина открылась. Пленник вышел и перед его взором возник длинный, тускло освещенный коридор. Появился еще один незнакомец в черном костюме с белым, точно у мертвеца лицом, иссиня-черными волосами, аккуратными усиками. Глубоко посаженные под выступающими надбровными дугами глаза смотрели на невольного «гостя» как на полное ничтожество, с которым можно не церемониться ни в большом, ни в малом.

– Идемте, – кивнул незнакомец.

Коридор несколько раз круто заворачивал; наконец они остановились перед какой-то дверью.

– Вас ждут, – губы человека с белым лицом скривились в усмешке.

Пленник догадался, что за этой дверью его ОЖИДАЕТ ХОЗЯИН. Он вошел, оглушенный и раздавленный ужасом неизвестности. Вошел и остолбенел...

Он словно попал в сказку, только в слишком уж жуткую!

Роскошь огромной комнаты сочеталась с наличием здесь необычайной, поражающей взор символики. Светильники

напоминали сплетенных в клубок змей, на отливающих золотом стенах – какие-то маски – то ли черных сатиров, то ли иных сатанинских отродий. Некоторые маски казались живыми, у них шевелились языки или так блестели зубы, что по телу пробегала дрожь; того и гляди, маски сорвутся со стен, и зубы эти вопьются в твою плоть. Малахитовый стол подпирали «карлики», смотревшие на нового гостя с такой злобой, будто собирались сбросить свою ношу и разорвать его. Пораженный обстановкой, пленник не сразу увидел Хозяина... Тот сидел за столом в кресле и что-то писал. Он даже не посмотрел в сторону вошедшего, и тому оставалось гадать: в хорошем настроении Хозяин или нет?.. Разве возможно ответить! Он может с доброй улыбкой послать человека на смерть.

Хозяин наконец оторвался от своих записей, соизволил взглянуть на «гостя», коротко махнул ему:

– Садись. Вот в это кресло напротив.

(«Хозяин предлагает сесть?.. Это что-то новое...»)

Пленник ступил на мягкий ковер, и ему почудилось, что нарисованные на нем дикие кошки впились ему в обе ноги. Он чуть не застонал от боли, но добрался до кресла, рухнул в него. Теперь Хозяин внимательно смотрел, но не произносил ни слова. Страх пленника достиг своего апогея, еле ворочая языком, он пробормотал:

– Я никому... ничего... никогда...

Хозяин улыбнулся той знаменитой улыбкой, от которой

хотелось повеситься или утопиться.

– Знаю. Ты молодец.

– Я?.. Молодец?..

– Раз я так говорю...

У пленника все трепетало внутри. Он перестал дрожать, слово «молодец» ободряло! «Хозяин мной доволен! Доволен!»

Радостное возбуждение мешало нормально соображать. Хозяин еще что-то говорил, но пленник никак не мог вникнуть в смысл произносимых слов.

– ...Ты согласен?

Пленник сглотнул слюну, робко произнес:

– Хозяин, я не совсем...

– А что тут непонятного? Ты – один из участников моего праздника. Ты достоин того, чтобы войти в круг избранных.

– Я?.. В круг избранных?..

Хозяин поднялся, прошел вокруг стола и вдруг рассмеялся:

– Ты мало ценишь свои достоинства.

Пленник вскочил, мысленно отругал себя, что не сразу сообразил: он не имеет права сидеть, когда Хозяин стоит.

– Так ты будешь участвовать в моем празднике?

– Конечно!

– Отлично. Это веселый маскарад, где каждый появляется в своем костюме. Тебе тоже надо подобрать костюм.

Хозяин нажал на какую-то кнопку, и почти сразу в ком-

нате появилась девица с распущенными волосами и... практически без одежды. Только ее интимное место скрывала небольшая набедренная повязка.

– Маргарита! – сказал Хозяин. – Твой вкус безупречен! Наш дорогой гость должен быть в отличном маскарадном костюме.

Девица весело хихикнула и, подхватив пленника под руку, куда-то потащила. Тот уже ничего не соображал и лишь покорно следовал за своим роком. Пленника по-прежнему не оставляла мысль, что Хозяин решил сыграть с ним злую шутку, а разговоры про маскарад – обман. Но с другой стороны, для чего искать такие сложные формы для расправы? Нет, нет, хозяин решил его приблизить, провести в круг избранных!

Маргарита завела пленника в одну из комнат с многочисленными зеркалами, театральными париками и костюмами. Лукаво поблескивая глазками, девушка заявила:

– Сейчас оденем вас по последней моде. А вы пока раздевайтесь. Полностью, полностью! Не бойтесь, я мужчин не ем.

Пленник снял пиджак, рубашку, однако девушка требовала продолжения стриптиза. Стыд боролся в душе пленника со страхом перед Хозяином, последний, естественно, победил. Он снял и брюки.

– Так не пойдет, – безапелляционно заявила девица. – Вы должны обнажиться **ПОЛНОСТЬЮ**. Только тогда я смогу подобрать вам соответствующий костюм.

Однако снять труссы пленник никак не решался, тогда девушка сделала это за него. Одно ловкое движение, и последние остатки его одежды полетели на пол. Лицо пленника залилось краской, он опустил голову, что-то пробормотал.

– Идите сюда! – пригласила Маргарита, – вот к этому шкафу. Сейчас подыщем вам что-нибудь оригинальное.

Она раскрыла шкаф, стала просматривать содержимое:

– Это не подойдет... Это тоже... Да не стойте же, как пень. Помогите мне, выберете себе маскарадное одеяние. И перестаньте держать руки возле вашего товарища. Дайте посмотреть на него. Дайте, говорю! А то пожалуюсь Хозяину... Фи, фи! Какой он у вас крошка... А поиграть им можно? О, да он, видать, совсем недееспособный.

Пленник готов был провалиться сквозь землю. А бесстыжая девица, очевидно, потеряв всякий интерес к его мужскому достоинству, продолжала вытаскивать из шкафа один костюм за другим.

– Если одеть вас волком? Нет, пожалуй, вы не волк. Тем более, не леопард. Тогда овца? И на овцу вы не похожи. В вас есть что-то демоническое и, одновременно, мягкое. Давайте нарядим вас в костюм быка. Как раз нечто среднее между добром и злом. Бык может спокойно жевать травку, однако попробуйте разозлить его!..

Пленник не успел опомниться, как ловкие руки нахлобучили на его голову огромную маску быка. Оставалось лишь безропотно наблюдать за дальнейшими действиями ехидной

костюмерши, которая разрисовала краской его тело, а затем приказала надеть бычью шкуру. Она внимательно осмотрела свою «работу» и удовлетворенно кивнула:

– Теперь вы настоящий герой праздника. Прошу!.. Нет, стойте! Чтобы ощутить всю его прелесть, попробуйте этот удивительный напиток. – Она налила полный фужер какой-то жидкости и поднесла пленнику.

– Что это? – робко поинтересовался он.

– Эликсир счастья. Пейте и вы забудете все невзгоды и горести! Пейте, и мир станет иным, необычным, прекрасным, коварным! Пейте, и прошлая жизнь покажется скучной, серой, как жидкий-жидкий чай после ароматного кофе. Пейте до конца! Вот так! А теперь вперед! Вперед!

От выпитого эликсира счастья у пленника закружилась голова. Он устремился за Маргаритой, которая вела его какими-то долгими коридорами, лабиринтами. Он не знал радоваться этому или огорчаться?

– Скоро, уже скоро, – шептала Маргарита. – Последний отрезок пути. Все! Ты на воле.

– На воле?

– Да! – И вдруг, дико захохотав, добавила. – Выходи, зверь. Насладись миром нашего праздника!

Он заметил, как изменилось ее лицо, как вылезли из орбит глаза, как защелкали зубы. Пленник вздрогнул, отступил на шаг, но дверь перед ним уже раскрылась, Маргарита силой вытолкнула его.

Сказка продолжалась! Вокруг густо зеленел неведомый мир яркого дня, цвели лианы, надсадно кричали какие-то птицы (пленник никогда не слышал подобных птичьих голосов), стояла жара, точно где-нибудь в тропиках. Пленник сделал шаг, потом другой, птичий крик настолько усилился, что резал барабанные перепонки.

– Где я?! – закричал пленник.

Никто не ответил ему, только листва шумела, шумела, увлекая в свое изумрудное лоно. Ноги пленника уже тонули в траве... Но почему он здесь один? Хозяин говорил о круге избранных!

И тут он услышал шум... Кто-то спешил сюда.

Возможно, гости праздника?

Он силился понять, что это за звуки?.. Голоса? Нет, не голоса... Рычание!

И тут из кустов выскочил волк. **НАСТОЯЩИЙ СЕРЫЙ ВОЛЧИЩЕ**, который рыча и грозно щелкая зубами, приближался к жертве. Теперь замысел Хозяина был очевиден: он решил убить своего верного помощника, но убить изощренно. Сейчас он наверняка наблюдает за смертельной игрой и смеется.

Теперь рычание раздалось и позади пленника. Он обернулся и... комок ужаса застрял в горле; совсем рядом, выгнув спину, стояла пантера. Пленник уже чувствовал клыки хищников на своем горле. Оставалось отсчитывать послед-

ние секунды жизни...

Он еще успел услышать шелест под ногами и увидел подползающую к нему серебристую кобру, а затем – громкий хруст ломающихся веток и рядом с обреченным на растерзание появился медведь. Пленник молил о быстрой смерти!

Первым на него прыгнул волчище. Но прыжок этот не стал концом пленника. Хищник легко ударил его лапой, оставив когтями метку на груди.

– Приветствую тебя, зверь! – прорычал волк. – Отныне часть моей крови, души, энергии станет твоей.

– Приветствую тебя, зверь! Я дарю тебе свою удивительную ловкость! – вдруг нежно промурлыкала пантера и тоже оставила метку на теле пленника. Ее лапы были мягкими, словно взбалмошная любовница решила проучить коварного друга. Пленник даже не ощутил боли.

Кобра поднялась и легко ужалила жертву, предварительно предупредив:

– Не бойся, мой укус не будет для тебя смертельным. Отныне ты будешь бесшумно подбираться к любой своей жертве.

Пленник содрогнулся, как вздрагивают от удара током или от внезапного пронизывающего холода, но стерпел. Пришла очередь медведя, который последним полоснул его мощной лапищей по плечу. И опять боли не чувствовалось, зато появилось странное ощущение переполнявшей пленника силы.

Из чащи протрубил рожок, и звери мгновенно исчезли.

Пленник опустился на землю, зарыдал. Некоторое время он никак не мог поверить в счастливое окончание страшной истории. Он жив. Жив!!! И это главное.

Но почему хищники не расправились с ним? Они подарили часть своей силы, они... превратили его в зверя?

Пленник поднялся, направился сквозь чащу, которая быстро редела. До его слуха донеслись звуки музыки. Через считанные минуты перед его изумленным взором возникла... танцевальная площадка. Играл оркестр, кружились пары: дамы – в изящных платьях, кавалеры – в смокингах. Пленник сделал еще несколько шагов вперед и понял, танцуют... звери. Хищники улыбались друг другу, говорили комплименты, пытались вести себя, как люди, но все равно оставались хищниками. К пленнику подошел официант с заплывшей жиром кабаньей мордой и вежливо осведомился:

– Господин Зверь чего-либо желает?

– Я... зверь?

В маленьких поросячьих глазках промелькнуло удивление:

– А кто же? Разрешите принести зеркало?

Самым страшным для пленника было сейчас посмотреть в глаза реальности. Раз его человеческое «я» уступило место звериному, значит, он и внешне изменился! Кто он теперь? Такой же оплывший жиром кабан? Или рычащий ягуар? Или?... Зверей на свете очень много!

На эстраде появилась рыжая, похожая на лису, певица.

Музыка смолкла, певица закричала:

– Дамы и господа, поприветствуем нового зверя. Нашего полку прибыло.

Пленник и не заметил, как оказался в центре танцевальной площадки, окруженный многочисленными гостями праздника, оглушенный их рукоплесканиями. Он стоял растерянный, не зная, как реагировать на подобный прием. Вновь грянула музыка, певица-лиса пела о том, до чего приятно быть зверем, и не просто зверем, а хищником, ведь только хищники пробиваются в жизни, им плевать на мораль, они с удовольствием растерзают любого, кто стоит на пути. Если вы внимательно приглянитесь к любому удачливому политику, бизнесмену, актеру, то обнаружите в нем явные признаки зверя. А значит:

«Будь хищником, мой друг, будь хищником...»

Гости окружили пленника, продолжая хлопать в ладоши и подпевать в такт песне:

– Будь хищником, мой друг, будь хищником!

Пленника охватила дикая радость. Его приняли в звериное племя, которое владеет нынче всем! Значит, и ему кое-что перепадет! О, до чего прекрасно быть хищником!

Теперь уже и он прыгал вместе с остальными, весело повторяя:

– Будь хищником, мой друг, будь хищником!

Потом он еще что-то выпил. Переполюнявшая его необъяс-

нимая радость достигла своего апогея. Он скакал, орал, визжал! Он ощутил себя настоящим зверем, готовым убивать, терзать, рвать любого, кто мешает ему идти к звериной цели. Окружающие его танцоры и танцовщицы так же скакали и визжали. Площадка задрожала так, будто на ней бился бесноватый.

Утром Человек не мог вспомнить даже малейших деталей своего ночного происшествия. Как обычно он вышел из дома, поехал на работу, скучную, надоевшую, которую он считал вечным проклятием. Он еле дождался конца рабочего дня, чтобы опять с головой уйти в свое одиночество. Но ближе к ночи Человек ощутил странное беспокойство; оно росло и крепло в душе, хотя не существовало каких-либо видимых причин к его появлению. Он заходил по комнате, что-то забормотал. В мельчайших клеточках мозга возникла боль, похожая на боль от острых иголок. Вместе с болью вернулась память об Утерянных Событиях. Он словно опять присутствовал на странном празднике у Хозяина, пробирался через чащу, где его окружили звери.

– Отныне часть моей крови, души, энергии станет твоей! – рычал волк.

– Приветствую тебя, зверь! – мурлыкала пантера. – Я дарю тебе свою удивительную ловкость.

– Не бойся, мой укус не будет для тебя смертельным, – предупреждала кобра. – Я так же отдаю тебе часть своей силы.

– И я! И я! – ревел медведь.

И каждый из зверей оставлял на его теле метку.

«У меня должны остаться метки!»

Все метки краснели на своем месте. Значит, это БЫЛО В РЕАЛЬНОСТИ.

Теперь он перенесся на танцевальную площадку, где неистово радовался собственной силе. Он подпевал похожей на лису рыжей певичке, что только ХИЩНИКИ ПРОБИВАЮТСЯ В ЖИЗНИ. Отныне эта песня стала и его песней. «Будь хищником, мой друг, будь хищником...»

Он чувствовал в себе силу медведя, ловкость ягуара, коварство пантеры, а его сердце переполнял яд кобры.

Человек расхохотался. Сидевший в нем хищник потребовал действия, потребовал крови!

– Я должен действовать! – согласно кивнул Человек. – И немедленно!

Он осторожно выскользнул из квартиры, легкой, бесшумной походкой направился сквозь черные микрорайоны города. Его ноздри вдруг раздулись от возбуждения: он радовался резкому ветру, что гнал по небу облака! Кажется, скоро грянет настоящая буря.

Главное, эта стихия теперь играла в нем самом!

Глава вторая

Неожиданное решение

– ...Витя, дорогой, привет! – раздался голос в трубке.

– Неужели?!

– Точно, я, Сережа Цветков.

– Ты где?

– В Москве. Приехал на несколько дней.

– Отлично. Повидаемся.

– С удовольствием.

– Где остановился?

– Я пока в прокуратуре. Вечером поеду в гостиницу.

– Зачем тебе гостиница? У меня свободно.

– Стеснять человека не в моих правилах.

– Причем здесь «стеснять»? Живу один.

– Не женился?

– Нет... – Виктор сразу помрачнел. Он вспомнил Анжелу... «Почему так получилось? Из-за какой же глупости мы расстались!»

– Дело поправимое. Когда мы встретимся?

– Заедешь ко мне?

– Хорошо. Скажи адрес. Часов в восемь тебя устроит?

– Вполне.

– До встречи.

Мы уже говорили, что Виктор Онежский не слишком схо-

дился с людьми, и в институте у него особых друзей не было, кроме Сергея Цветкова. Однокурсники тогда не понимали, что связывает этих двух столь непохожих людей. Виктор – коренной москвич, совсем мальчишка, поступил в институт сразу после школы. Сергей приехал с периферии, был старше Виктора лет на восемь, перед тем, как прийти на студенческую скамью отслужил в десантных войсках, поработал в милиции. Виктор считался импульсивным, немного взрывным мечтателем, Сергея отличала практическая хватка и знание жизни, он никуда не спешил, но и никогда не опаздывал. Даже внешне они являлись антиподами: Виктор высокий, светловолосый, с тонким прямым носом, большими серыми глазами, что называется «классический красавец», Сергей коренастый, с круглым лицом, окаймленным небольшой бородкой.

Так или иначе, но они сошлись. И чем дальше, тем их дружба все больше крепла. Однако по окончании института Сергей уехал на родину, в Алексеевск. Созванивались они редко. «А жаль!» – говорил себе Виктор, которому в трудных ситуациях так не хватало совета рассудительного друга.

И вот теперь Сережка в Москве!

По давней привычке Цветков пришел ровно в восемь, не опоздав ни на минуту. Друзья обнялись, Виктор пригласил его в квартиру.

– Вот, посмотри на мое холостяцкое жилище.

– Неплохо для холостяка, – сказал Сергей. – Особенно для

мужчины.

– Почему для мужчины?

– У тебя все в идеальном порядке. Вещь к вещи, даже пыль вытерта. Обычно это характерно для женщин.

– Заслуга мамы, – вздохнул Виктор. – Она навещает меня раз в два-три дня. И, как я не возражаю, не ругаюсь, везде убирает.

– Не угадал. Плохой из меня следовательно, – усмехнулся Сергей. – Ну, хозяин, принимай подарки. Вот сувениры, их делают наши мастера. А вот...

– Сережа, это лишнее.

– Коньячок, рыбка – лишнее?

– Я тоже кое-что приготовил к твоему приходу. Есть и горячительные напитки. Как говорится, не лыком шит.

– Одно другому не помешает. Гулять, так с музыкой.

За столом начался обычный разговор двух друзей, которые давно не виделись. Виктор рассказал о своей недавно защищенной диссертации. Ее тема: «Особенности психологии убийцы» заинтересовала Сергея. Он сказал, что прочитал в нескольких журналах статьи Виктора по данной проблеме.

– Что статьи! – воскликнул Онежский. – У меня есть монография, которая переведена на несколько иностранных языков.

Сергей, который прекрасно знал об амбициях друга, примирительно заметил:

– Я еще в институте всех убеждал, что Витька у нас гений.

Онежский стыдливо опустил голову и пробормотал:

– Как ты? Как жена, дети?

– Супруга нормально, старший Петька – уже в четвертом классе, Машенька пошла в школу.

– Как служба?

– И служба в порядке.

Однако тон, которым была произнесена последняя фраза, заставил Онежского насторожиться. У Сереги проблемы на работе? Впрочем, спрашивать об этом было неудобно. Если Сергей захочет, все расскажет сам. Виктор наполнил рюмки и торжественно произнес:

– Давай выпьем! За студенческие годы, лучшее время нашей жизни.

– Да, тогда жизнь казалась нам несколько иной. Более простой.

И опять в голосе Сергея слышались нотки озабоченности. После выпитой рюмки Онежский осторожно поинтересовался:

– Ты, по-моему, не в духе?

– Почему?

– Слишком хорошо тебя знаю. Что-то случилось? На работе?

– Витя, давай еще по одной.

Теперь предположения Виктора насчет проблем Сергея превратились в уверенность. Он вспомнил последний курс института. Он тогда зашел к Цветкову в общежитие и пора-

зился. Перед Сергеем, практически не пьющим человеком, стояла бутылка вина. Сергей кивнул ему, налил рюмку:

– Садись.

– Сережа, ты же знаешь, я не...

– Садись, не обижай!

Резкий тон Цветкова невольно заставил Виктора подчиниться. Он выполнил просьбу друга, выпил. И Сергей произнес точно такую же фразу:

– Витя, давай еще по одной.

Позже выяснилось, что у Сергея погиб в Чечне брат, и вечером он уезжал домой на похороны...

И сегодня, как пять лет назад, Онежский не стал спорить с другом, выпил с ним по второй. Пошли душевные разговоры, в основном о пустяках, потом – разные воспоминания. Время катилось к полуночи, Сергей спросил:

– Наверное, пора спать. Тебе ведь завтра рано вставать.

– А тебе?

– Я привык. Провинция всегда встает рано.

Онежский понял, Цветков так и не сказал ему главного.

Да и скажет ли? Он решил рискнуть, взять инициативу в свои руки.

– Сережа, ты порядочный свинтус. Извини за откровенность, но ведь ты мой друг.

– Вот тебе на! За что такая немилость?

– У тебя проблемы, ты хотел мне о них рассказать, но в последний момент почему-то передумал.

– Разве возможно сейчас прожить без проблем? Где мне лечь?

– Вот здесь, на диване. Сейчас принесу белье.

«Он упорно избегает разговора. Что ж, в конце концов, это его право. Навязываться не стану», – решил Виктор.

Он принес из спальни белье и заметил, что Сергея в комнате не было. Цветков стоял на балконе, дымил сигаретой и смотрел в ночное небо. Виктор встал рядом.

– По-прежнему не куришь? – спросил Сергей.

– Нет, так и не научился. А ведь ты, насколько память не изменяет, бросил еще в институте. И за столом не курил... Опять начал?

– Балуюсь понемногу...

– Ну и зря.

Царящая вокруг тишина создавала иллюзию, что и вся жизнь такая же тихая и спокойная. Как хочется иногда отдалиться этой иллюзии, особенно тому, кого каждый день засасывает омут проблем.

– Пойдем, – вдруг кивнул Сергей. – Мне действительно нужно тебе кое-что сказать.

Они снова вернулись за стол, и Онежский заметил, что его друг сильно наморщил лоб. Сергей так часто делает перед тем, как принять какое-нибудь важное решение.

– Знаешь, Витя, когда я учился в институте, некоторые мои приятели говорили (ты уж прости за откровенность): зачем связался с молокососом?..

Онежский усмехнулся. Для него это новостью не было.

Прошедшие «школу жизни» студенты часто относятся к «малышне» с известной долей иронии и скептицизма.

– ...Я им тогда сказал: Витька не погодам серьезен и по-настоящему честный парень. Не испорченный всеми нелепицами, что творятся нынче у нас.

– Захвалил!

– Я серьезно. Конечно, раньше ты был немного горяч, тщеславен...

– От горячности пришлось избавиться. Обстоятельства заставили, пришлось сильно потрудиться, поломать характер. А вот тщеславие осталось, – честно предупредил Онежский.

– Людей без недостатков не бывает.

Сергей сделал паузу и продолжал:

– Хочу посоветоваться, поскольку ты мне друг, и мы с тобой «слуги закона». Я не случайно сказал, что читал твои статьи. Много, о чем ты пишешь, меня по-настоящему заинтересовало. И здесь не просто праздное любопытство.

– Вот как?

– Ты считаешь, что любой, кто пошел на убийство, это человек с психическим отклонением, даже профессиональный киллер, для которого смерть жертвы – всего лишь работа, часто высокооплачиваемая. Но главная оригинальность твоих исследований в том, что ты выводешь целый ряд признаков в поведении, общении, что проявляются у людей уже в ран-

нем возрасте, то есть у детей, признаков, по которым можно сделать вывод: человек этот впоследствии станет преступником. Когда я впервые познакомился с твоими изысканиями, то решил: тебе не дают покоя лавры Ломброзо (Известный итальянский психиатр и криминалист 19-ого века. Выдвинул теорию предрасположенности человека к преступлению в силу биологических признаков. Долгое время несправедливо обвинялся в расизме и человеконенавистничестве. – прим. авт.). Но в последнее время я взглянул на все это по иному.

Сергей сделал еще одну паузу и продолжал:

– В последнее время у нас в городе всплеск преступности, особенно молодежной. Когда я беседовал с арестованными ребятами, то обнаружил в их поведении некоторую странность... И тут я вспомнил твою теорию. Поразительно, но ты во многом прав! Все описываемые тобой признаки подходят молодым преступникам. После обследования врачи подтверждают их болезнь. Но почему в Алексеевске появилось столько подростков с психическими отклонениями?

– Преступность растет везде, – напомнил Онежский.

– Понимаю, но... Помимо обычного роста преступности у нас происходят зверские немотивированные преступления. Не так давно убили женщину, ее труп буквально растерзали. Так убивают только звери, однако УБИВАЛ ЧЕЛОВЕК.

– И кто он?

– К сожалению, его не поймали.

– А чем та женщина занималась?

– Работала продавщицей в универсаме. Никто из ее родных, знакомых и в мыслях не допускает, что она хоть каким-то образом связала себя с криминальным миром. Все утверждают, что она была доброй и отзывчивой, не уводила чужого мужа, не поджигала соседям сарай или баню, и так далее.

– Идеальная биография еще далеко не все. У каждого человека есть темные пятна. Может быть месть за дела давно минувших дней?..

– Такое жуткое возмездие для обычной продавщицы?

– Пожалуй, ты прав, это маловероятно, – согласился Онежский.

– У нас в Алексеевске что-то СЛУЧИЛОСЬ. Мне не хватает слов, чтобы объяснить... Интуиция следователя! Она подсказывает мне, что я живу в ДРУГОМ городе, совершенно чужом. А тот старый куда-то исчез, растворился. Я могу ошибаться, но... Кстати, люди у нас не только звереют, но и чахнут на глазах. Везде больные! Столько везде жалоб на плохое самочувствие. Может, психическая агрессия – результат соответствующей реакции на слабое здоровье, на импотенцию и прочее?

– Со своим начальством говорил?

– Говорил, приводил аргументы. Они соглашаются, что криминогенная ситуация в Алексеевске сложная. Призывают лучше работать, твердят, что в крупных городах дела об-

стоят еще сложнее.

– А твоя командировка в Москву? Если это, конечно, не секрет?..

– Я привез сюда отчеты, доложил о проблемах города. Мне ответили то же, что и наше местное начальство. Только в более грубой форме. Мол, если мы не можем контролировать ситуацию, то для чего носим погоны? И не лучше ли представителям прокуратуры Алексеевска поменять профессию?

Онежский видел, как исказилось лицо друга. Чем он ему помочь кроме доброго совета? Подобная ситуация в России не редкость. Виктору иногда кажется, что мир вокруг него – чужой, ирреальный, где, как в огромном озере, рыба, большая и маленькая, перестала чувствовать себя в своей стихии... Теперь в этом озере хозяйничают несколько удачливых рыбаков, которым плевать на все на свете, кроме хорошего улова.

– ...Если я покажу тебе, Витя, статистику, ты ужаснешься. Словно злой рок завис над нашим городом.

У Виктора блеснула неожиданная мысль: а если он посоветуется со своим начальством?.. Да, пожалуй, он так и делает. Прямо завтра.

– Заговорил я тебя, Витя, но надо было выговориться. Ладно, пойдём спать.

Засыпая, Онежский думал, как все это лучше преподнести шефу? И чем он в данном случае может помочь? «Пого-

ворю, а там будет видно».

Он и не представлял, чем этот разговор закончится.

Проводница улыбнулась молодому красивому мужчине и вернула ему билет.

– Все правильно? К вам? – спросил он.

– Ко мне. Двенадцатое место.

– Очень хорошо. У нас такая симпатичная хозяйка.

Молодой человек пружинистой походкой прошел в купе, вежливо поздоровался с соседями. Через несколько минут поезд тронулся, а молодой человек, охваченный легкой грустью, все смотрел в окно на мелькавшие, позолоченные ранней осенью улицы Москвы. Ему всегда было немного грустно, когда покидал родной город, пусть даже ненадолго. Но сколько времени продлится его нынешняя командировка? Возможно, не месяц, не два.

Мелькают за окном живописные картины столицы. Вот уже и пригороды... а где-то за сотни километров отсюда находится незнакомый Алексеевск.

Появилась улыбчивая проводница, вновь попросила билеты.

– ...Онежский Виктор Иванович, до Алексеевска.

– Точно.

– Приятного пути. Постель брать будете?

Виктор кивнул, откинулся на стенку, закрыл глаза. Он думал о неожиданном повороте своей судьбы. А все решил тот

разговор с Цветковым, те, сказанные его другом, ключевые слова:

«...Если я покажу тебе, Витя, статистику, ты ужаснешься. Точно злой рок завис над нашим городом».

Виктору почему-то вспомнился странный сон почти десятилетней давности. Он точно так же «ехал» поездом на таинственную станцию, название которой до сих пор вспомнить не может. И вдруг ему показалось, что это ТОТ ЖЕ САМЫЙ ПОЕЗД. Такой же вагон, и... лицо проводницы! Когда Виктор входил сюда, он подумал, что где-то видел эту женщину. Но где? Профессия следователя научила Виктора запоминать любые мельчайшие детали, любого человека и те обстоятельства, при которых они познакомились. Проводницу он раньше НЕ ВСТРЕЧАЛ. Но такие знакомые ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА. Как у женщины из сна!

«Не глупи, Виктор! – сказал он себе. – Сон – это только сон!»

Однако когда проводница разносила чай, он (на всякий случай) вновь посмотрел ей в глаза. Нет, они не совсем ГОЛУБЫЕ, они скорее СЕРЫЕ. Виктор ощутил странное облегчение.

Утром пейзаж за окном несколько поменялся, золото на деревьях исчезло, здесь, в Черноземье еще господствовало лето, еще гуляли по лугам стада коров, а залетевший в открытое окно ветер казался довольно теплым. Какие леса! Какие травы! Пышная растительность, где словно соединились

Москва и Крым, привела Онежского в восторг. Не зря Цветков еще в институте так расхваливал свой регион.

А вот и Алексеевск. Невысокий плотный человек встречал Виктора, он почему-то был слишком весел, постоянно смеялся, отпускал шутки, подкручивал пышные усы.

– Идемте, идемте, Виктор Иванович. Прошу вот в эту машину. Минут пятнадцать, и будем на месте. Это вам не Москва, где из одного конца в другой едешь по времени примерно столько же, сколько до Тулы.

Он засмеялся, довольный своей, не слишком оригинальной шуткой. И наконец соизволил представиться:

– Рыков Семен Григорьевич, следователь по особо важным делам прокуратуры. Мне предстоит ввести вас в курс дела.

– Ну, а меня вы уже знаете. Онежский Виктор Иванович. Виктор разговаривал с Рыковым и осматривал город.

Вокруг – в основном каменные пятиэтажки, движение транспорта – довольно редкое, люди никуда не спешили. Что ж, это так характерно для провинции. Семен Григорьевич лукаво посмотрел на Онежского:

– Сложно москвичу привыкнуть к такому ритму жизни?

– Человек привыкает ко всему, – философски изрек Виктор.

– И как вы решились поменять столицу на нашу дыру?

– Вот так и решился.

– Но должность вам здесь предложили хорошую.

– Да.

– И надолго к нам?

На лице Онежского появилась довольная улыбка. Весь его вид словно говорил: «Смог бы я в Москве в мои годы стать старшим следователем по особо важным делам прокуратуры. Зато покручусь здесь годика два и вернусь в столицу. Но въеду в нее уже на белом коне!»

– Сейчас, Виктор Иванович, вы увидите другой Алексеевск, – Рыков опять почему-то засмеялся.

Машин на улице становилось больше, Алексеевск действительно менялся на глазах. Теперь это был город больших красивых зданий и бесконечных рекламных вывесок. В глазах Виктора можно было прочесть: «Неплохо! Очень неплохо». Рыков незаметно посмотрел на соседа и подумал: «Похоже, он не столь опытен. Не может скрыть эмоций. Совсем еще мальчишка».

А у Онежского вновь, как в поезде, возникло странное ощущение, что он все это видел. Эти дома, улицы кажутся такими знакомыми, будто он уже не раз проезжал здесь. Сейчас должен быть перекресток... Точно! Но где? Когда?...

Виктор опять вспомнил свой старый сон. Станный, похожий на терем дом, картины на втором этаже. На одной из них изображен город. Именно этот город!

Машина остановилась у светофора, теперь глаза Виктора скользнули по яркой афише. На ней – женщина в шляпе и облегающем трико. И ниже надпись: «Только на нашей сце-

не...» Женщина словно ответила ему заманчивым взглядом: «Приходи, не пожалеешь!»

Однако Виктору никогда не забыть и другой ее взгляд, полный ужаса и боли. Шелковая накидка-удавка сомкнулась на ее шее, а сорвать ее она не в силах! Женщина с картины!..

– Понравилась, Виктор Иванович? – усмехнулся Рыков. – Наша местная знаменитость, Глория. Конечно, Глория это только ее псевдоним. Настоящее имя Маша. Мария Александровна Нестерова.

– Красивая женщина.

– Полгорода влюблены в нее.

– Этих мужчин можно понять.

– А ведь она не так молода.

Онежский ничего не ответил, он не переставал думать о странном стечении обстоятельств. Григорий Семенович тоже сделал паузу, по-своему истолковав молчание Виктора.

С центрального проспекта машина свернула в лесную зону. Около небольшого белого здания Рыков остановился и сказал:

– Приехали. Это гостиница, в которой вы пока будете жить. Условия хорошие, хотя и не столичный шик...

– Все нормально, – однако в голосе Онежского слышались едва заметные снисходительные нотки.

Рыков проводил Виктора в номер, действительно оказавшийся неплохим, помог разместиться и пожелал приятного отдыха:

– Особых развлечений в городе нет, но при желании их найти можно. – Григорий Семенович хитро подмигнул. – Посетите ночной клуб «Волшебный сон», где выступает Глория. А завтра приступите к работе, товарищ майор. Да, если что потребуется, вот мои контактные телефоны. Пока вы не обжились, я несу за вас ответственность перед начальством.

– Спасибо, Григорий Семенович.

– Кстати, – Рыков вновь подкрутил свой ус, – вечером у нас с женой небольшое торжество. Приглашаю.

– Неудобно, мы едва знакомы.

– Никакого неудобства, Виктор Иванович. Делаем одно дело, очищаем город от нечисти. Поэтому я за настоящую дружбу. Так я вам звоню и заезжаю?

– Григорий Семенович, право слово...

– Звоню и заезжаю! – в который уже раз за небольшой промежуток времени Рыков засмеялся и исчез.

Оставшись один, Виктор постарался проанализировать то, что уже случилось с ним в Алексеевске. Какие удивительные, нет, какие необъяснимые вещи: дома центральных районов, точно материализованные с картин старого особняка, женщина... Ее псевдоним Глория!

А поведение Григория Семеновича?.. Почему он так лезет в дружбу? Действительно такой искренний человек или тут что-то другое? И почему упорно строит из себя неумемного весельчака?

«Сколько же загадок готовит мне Алексеевск?» – подумал

Онежский, наблюдая за шумящей за окном листвой.

За размышлениями Виктор вдруг вспомнил, что он еще не завтракал.

Рыков докладывал руководству первые впечатления о новом сотруднике из Москвы. Виктор похож на карьериста, многое у него написано на лице. Явно заинтересовался Марией Александровной Нестеровой. Либо он – отъявленный бабник, либо – романтик. Характеристика «романтика» не отбрасывалась руководством. По их сведениям Онежский и был таковым в институте. И он действительно парень карьерный: уже кандидат, работает над докторской, решил здесь занять должность, которая явно не соответствует его званию.

– По-моему, он долго в Алексеевске не задержится, – предположил Григорий Семенович.

– А вы уверены, что он не играет, что на самом деле он не таков, каким кажется?

Рыков развел руками:

– Постараюсь сблизиться с ним. За рюмкой хорошего коньяку язык развязывается даже у самых «молчаливых».

– Один наш сотрудник учился с Онежским.

– Я знаю, Цветков.

– Говорят, они даже дружили.

– И что?

– Но потом поссорились. Так по крайней мере утверждает сам Сергей Владимирович. Он даже не поехал встречать

Онежского. Однако... Цветков человек непростой. Из-за чего они поссорились? Причина, причина! Если из-за пустяка... Не такие это люди, чтобы ссориться из-за пустяка.

– Если я правильно понял, надо выяснить, не осталось ли между ними какой-либо связи?

– Нет! Не остались ли они друзьями?

Весельчак Рыков отдал честь. Но теперь на его лице не было и тени улыбки.

Глава третья

Прыжок зверя

Она посмотрела на грудку хрусталя, на невесомые фарфоровые чашки, на новую мебель и подумала: «Если бы можно было все это разбить и спалить. Но вместе с этим спалить и свое прошлое. Спалить, чтобы не осталось и воспоминаний. Безделушки, безделушки... разве они стоят тех маленьких жизней?!»

Она заметалась по квартире... Три комнаты, заставленные разными дорогими вещами. «Господи, что же я надедала?! Как я могла жить с этим столько времени?! И вот я окончательно попала в их лапы!»

Каждый идет на преступление в силу каких-то причин.

Она пошла из-за нищеты и одиночества. В свое время она жила в крохотной квартирке на окраине Алексеевска, без мужа, без друга, да еще и родители умерли. После реформы ЖКХ одни только коммунальные услуги съедали до девяноста процентов заработка. За тяжелый труд ей доставались жалкие крохи, на которые невозможно выжить. Она рвалась из последних сил, в надежде «выплыть», пока не поняла, что не выплывет никогда. Количество рабочих мест по ее специальности в Алексеевске ограничено, платят там не лучше. Уехать из проклятого города? Куда? Ей уже за сорок. Да и разве в соседних регионах «райская жизнь»? Есть,

конечно, Москва с ее откровенной нелюбовью к гастарбайтерам, но ведь и она не резиновая... Мужа она тоже вряд ли когда найдет. Кому нужна женщина не первой свежести! Молодые девчонки не могут выйти замуж, только по официальной статистике их больше чем парней. А по неофициальной... Сколько этих опущенных, не «просыхающих» мужичков слонялись по улицам, выискивая деньги на очередную бутылку. А сколько искали кайф в наркотиках, а сколько импотентов...

Свободными от работы вечерами, примостившись у телевизора, она наблюдала за героями и героинями «мыльных опер», как правило, богатыми и знаменитыми, где женщинам дарили дорогие подарки и приглашали на необыкновенные прогулки на яхтах. Оставалось любоваться жизнью других и лишь вздыхать, осознавая непреложный закон нашего мира: возможно и существуют на планете счастливики, но их так мало. Как попасть в их число? Надо заработать деньги. Много денег! И тогда у нее будет все: хорошая квартира, красивые одежды, и уж, конечно, на нее обратят внимание. Да, она не красавица, но все равно найдет мужчину, который, благодаря ее деньгам, также захочет выбраться из ямы. А там, глядишь, он действительно полюбит ее.

Она делилась сокровенными мыслями с друзьями и подругами. И однажды ее излияния услышали уши преступника. Ей предложили сделку, от которой она не отказалась. Сначала одно преступление, небольшое, но хорошо оплачи-

ваемое, потом другое. И, наконец, ее втянули в кошмар, из которого уже не было выхода!

Сейчас она бы все отдала, чтобы вернуть прошлое: бедное, но свободное от крови и страха. Она вздрагивала от каждого звонка, ибо это мог быть приказ на новое преступление. Она бродила по комнате, повторяя одну и ту же фразу:

– Что мне делать? Что?!

У нее по-прежнему не было близкого человека, которому можно все рассказать. Мужчины возникали и также быстро уходили, а подругам она не доверяла. Да и кому можно выложить такое!..

– Что мне делать?!!

И как раз раздался новый звонок. Кто-то упорно требовал ее к городскому телефону. Она не верила, что это друзья или знакомые. Это наверняка те, кто отдаст новый страшный приказ. Она решила ни за что не подходить.

Звонок смолк, но настойчиво заиграла мелодия сотового. Так и есть... Они не отстанут! Ну не подошла она к телефону, разве этим проблему решишь? Надо сказать им все и покончить с прошлым! Покончить! Покончить!

Ее вдруг охватила невиданная ранее решимость. Она нажала кнопку, выслушала приказание и твердо ответила «нет!».

– Понимаете, как это важно?

– Не просите. Больше никогда!.. Слышите!

– Вам не хватает денег? Давайте пересмотрим условия

контракта.

– Вы не поняли?.. Я больше никогда на это не пойду.

– У вас неприятности, поэтому...

– Неприятности из-за вас.

– Вернемся к разговору позже.

– Мы не вернемся к нему никогда.

Небольшая пауза, после чего последовал новый вопрос:

– Ваше решение окончательное?

– Да, да, да!

– Вольному воля.

В первую минуту по окончании разговора ее охватило дикая радость. Она смогла... Смогла! Однако затем радость сменилась страхом. Ей не простят.

И опять она заметалась по комнатам в поисках спасительного «круга», но натыкалась то на шкафы, то на кровать. «Сообщить в милицию?.. Смешно! У них своя милиция, своя прокуратура, свой спецназ». В какой-то момент она решила позвонить им и сказать, что согласна...

Нет, на преступление она больше не пойдет!

Единственный шанс – навсегда покинуть Алексеевск. Но ведь ее станут разыскивать и когда-нибудь найдут! Найдут в любом уголке России. А может, не станут искать, когда поймут, что она им больше не опасна, потому что МОЛЧИТ!

Еще некоторое время она взвешивала все «за» и «против», наконец пришла к мысли, что бегство – наилучший выход. Деньги у нее есть, на первое время хватит, а там она что-

нибудь придумает.

Но как уехать из Алексеевска? Поездом? Ее сразу засекут. Лучше поймать попутку. Причем сделать это ночью.

План бегства в ее голове приобретал новые очертания.

Перво-наперво надо усыпить бдительность врагов. Она позвонила сама.

– Это я. Я передумала.

– Хорошо, – ответили ей.

– Завтра я сделаю это.

– Тогда до завтра.

– Как обычно?..

– Как обычно.

Она глубоко вздохнула, первая часть плана выполнена.

Они поверили. Теперь предстоит самое сложное...

Это был обычный день для ставшего человека, ставшего Зверем. Он отработал свою смену, попрощался с коллегами и пошел домой, как всегда, одинокий и неприметный. Дома он плотно поужинал, включил телевизор, погружившись в бушующие страсти представителей страны Дураков. Вот вместе с примелькавшимся веселым усатым дядечкой, попытался стряхнуть свои денежки с мифического дерева; потом переключил канал и начал подпевать другому изрядно поднадоевшему дядечке в женском платье, наконец, посостязался в жадности и пошленьких анекдотах с еще одним рыжебородым, горбоносым героем нашего времени. Были еще ка-

кие-то фильмы, но один показался слишком серьезным, другой он видел раз десять, в третьем (как ни странно) не было ни секса, ни погони, ни стрельбы, так чего смотреть? Вечер постепенно переходил в ночь и тут... Он ощутил странное волнение, точно в его шкуру влез кто-то другой, подчиняющий своей власти его первое «я». Волнение возрастало, вслед за ним в мозгу – как будто сильный укол, за ним еще один, еще. Человек застонал, схватился за голову, стал тереть виски, однако боль не проходила. Наоборот, в ней что-то разорвалось, отчего возник сильный пожар, в котором горели прежние мыслишки, уступая место новым – страшным, чудовищным. Ему показалось, будто меняется его традиционный облик, теперь он превращался в удивительно сильное, ловкое, отважное, жестокое существо. Этому существу было бесконечно мало квартирки, куда оно само себя заперло, ему необходим весь мир, где он гуляет, как беспощадный господин, пожирающий ничтожных тварей. Еще немного, и человеческие чувства окончательно угасли, зато Зверь подчинил себе каждую клеточку организма. Раздался звонок, Зверь включил телефон.

– Ты готов? – спросил голос.

Зверь знал: этот голос указывает ему на добычу, сообщает, где искать жертву, потому радостно заурчал.

– Тогда слушай... – ему продиктовали кто она, куда следует идти. Зверь осторожно покинул квартиру и направился за жертвой.

Смертельная игра началась.

Она смотрела на стрелки часов, двигавшиеся так медленно, точно кто-то привязал к ним пудовые гири. Каждый шорох вызывал в ней болезненный озноб, она не представляла, что будет дальше? Поверили ли они?

Она решила, что не возьмет с собой ничего из вещей или ценностей, только чековую книжку, немного наличности, да кое-что из мелочи, что уместится в маленькую сумочку. Выйдет якобы прогуляться, выйдет поздно, когда на улице мало народа. До трассы недалеко, надо лишь пройти через небольшой лесок. Вопрос: согласится ли какой-нибудь водитель вывезти ее из города?.. Она сжала в руках деньги... «Надеюсь, этого хватит!»

Девять часов... Только девять!

Нервы на пределе! Какая-то сила в который уже раз сдернула ее с дивана и заставила подойти к дверному глазку. Коридор пуст, но это ничего не значит.

Она вернулась в комнату и продолжала наблюдать за часами. Осенью темнеет рано. Пора! Пора!.. Нет, еще немного.

Она еле дождалась, когда часы пробили десять, но и сейчас ей казалось слишком рано. Лишь в половину одиннадцатого она решилась, взяла сумочку, осторожно приоткрыла дверь. Несколько раз повторила себе: «Будь естественной, не навлекай подозрений! Не оглядывайся! Ни в коем случае не оглядывайся!»

Она вышла из дома и тут же наткнулась на старушку, со-

седку Анну Ильиничну, та сидела на скамейке возле подъезда.

– Куда это вы направились? – поинтересовалась Анна Ильинична.

(«Вот ведь любопытная!»)

– Хочу прогуляться, подышать воздухом.

– Да, да, дело хорошее. Последние теплые деньки. Я тоже сижу, сижу, почти полночи. Присаживайтесь, поговорим.

– Спасибо. Я лучше погуляю.

– Не боитесь? Сейчас гулять опасно.

От слова «опасно» она вздрогнула. Но тут же взяла себя в руки:

– Я недалеко. До леса и обратно.

– Зря сумочку взяли.

– Тут у меня ключи, – она готова была раскрыть сумочку, показать, что там всего лишь ключи.

– То-то и оно, – не унималась Анна Ильинична. – А бандиты подумают – деньги.

Она махнула рукой: мол, не подумают, и не спеша двинулась в сторону леса. Главное добраться до трассы. Напоследок она обернулась и еще раз посмотрела на свой дом, на окна своей квартиры. На глаза навернулись слезы... Она никогда больше сюда не вернется.

Анна Ильинична тихонько затянула песню, почему-то невеселую. Беглянке показалось, что добрая старушка грустит о потерявшей душу преступнице. Не выдержав, она

ускорила шаг, повторяя: «Добраться до трассы! Добраться до трассы! А там как-нибудь выберусь...»

Удивительная легкость продолжала переполнять Зверя, он готов был перемахнуть через любые препятствия, если надо – лазить по деревьям, точно пантера, если потребуется – схорониться в густой траве, как его подруга серебристая кобра и выжидать удобного момента для нападения.

Хищники опять были рядом, подбадривали на удачу, шептали, что все пройдет хорошо. Они могли бы этого и не говорить. Он и так был уверен в себе, он Зверь, для которого нет, и не будет преград! Мир принадлежит таким же, как он, Зверям, они командуют, определяют, хозяйничают, если надо, разрывают любого на части. Если надо?.. Кому надо?.. Хозяину? Нет, не только ему! Смерть той женщины нужна самому Зверю!

Вот ее дом... Что это? Она вышла и направилась в сторону леса. Зверь заурчал от удовольствия. Охота будет в лесу, в его родной стихии! Обычный небольшой лесок показался громадной чашей, где бродит его жертва. Зверь нырнул в листву и крался, крался!

... Она осмотрелась, маленький лесок пробуждал чувство тревоги... Когда-то она радовалась, что купила квартиру именно в этом микрорайоне, где чистый воздух и красивый вид из окна. Она часто гуляла здесь, особенно каким-нибудь весенним или летним утром, вдыхая аромат природы... Но

сейчас осень и ночь! Самая жуткая ночь в ее жизни.

Зашелестели от ветра ветви деревьев, в который раз заставив ее задрожать, голова разламывалась. Казалось, что она никогда не пройдет сквозь этот лес, никогда не доберется до трассы. А если даже доберется?.. Где гарантия, что ее «случайно» не собьет машина или шофер не привезет ее в логово тех, от кого она прячется?

Измученная страхом женщина остановилась и несколько минут раздумывала: как ей поступить? Нет, все-таки надо идти дальше, к трассе. Так у нее есть хотя бы маленький шанс на спасение...

Зверь перебежал от одного дерева к другому, но неожиданно наступил на ветку, которая громко хрустнула. Хруст привлек внимание жертвы. Женщина остановилась, замерла... Глаза Зверя видели в темноте, различая любую мелочь, которую он никогда бы не смог различить в своей прежней жизни. Вот жертва крутит головой, смотрит то вправо, то влево. Зверь слился с деревом и замер, напряженно фиксируя детали. «Пошла, пошла! Опять встала. Опять направилась дальше...»

Зверь ловко обогнул несколько деревьев, стараясь не повторять ошибок, не привлекать внимание случайным шумом. Он видел, что лес кончается, и потому ему надо спешить. Он выбрал кратчайший путь через кусты, до жертвы оставалось немного, но тут он совершил новую ошибку, несмотря на свою ловкость, запнулся за пень и рухнул на

землю.

Это сразу привлекло внимание жертвы; женщина почувствовала опасность! За ней следят! Неважно кто: настоящие враги или обычные хулиганы («Сейчас гулять опасно!»). Нет, последних она не боялась. Но если это...

Она бросилась бежать, кричала, звала на помощь. Крик растворился в бесконечной, равнодушной тишине леса. Внезапно женщина замолчала: а если она ошиблась? Если ей показалось? Зачем привлекать внимание! Вперед! Вперед! Скоро трасса!

Зверь осознал, что исчерпал лимит времени и не имеет ни малейшего права на ошибку. Он быстро поднялся и бросился вслед. Женщина заметила мелькнувшую среди деревьев фигуру и окончательно поняла, что ее преследуют! Животный страх уступил место отчаянной борьбе за жизнь, сбросив туфли, она неслась к трассе, снова кричала, молила о помощи. Осколки камней, сучья, иголки раздирали до крови ее ступни. Однако она не обращала внимания на боль, совсем не чувствовала ее.

Где он? Где?!!

Женщина обернулась, поскольку больше никаких шорохов не раздавалось. И опять ее затерзали сомнения. А действительно ли она слышала шум? И была ли тень? «Если бы кто-то хотел меня настигнуть, то наверняка бы уже сделал это!»

Рядом тревожно зашелестела листва, зашелестела не от

ветра!.. Женщина услышала вкрадчивые шаги...

Она рванулась вперед и наткнулась на мужчину. К счастью, тут же узнала его.

– Ты! Хорошо, что я тебя встретила.

Мужчина кивнул и улыбнулся.

– Я вышла подышать воздухом, а тут... какие-то хулиганы преследовали меня. Проводи, пожалуйста, до дороги.

Мужчина снова кивнул. Зверь внутри него торжествовал: «Обманул! Обманул! Усыпил ее бдительность, а теперь...»

Анфиса успела заметить, как исказилось его лицо, как заблестели в темноте глаза («Господи, как у зверя!»), из горла вырвался то ли крик, то ли рев. Она пробовала защищаться, но сила и ловкость Зверя утроились. Он сбил жертву с ног, прыгнул на нее, еще пытавшуюся защищаться и кричать, впился зубами в горло. Жертва пыталась оторвать его от себя, но с каждой секундой ее силы слабели. «Он загрызет меня!» – эта мысль была последней в ее жизни. Дышать стало невозможно, мир вокруг окончательно померк...

Опьяненный ее смертью и кровью, Зверь поднялся, быстро пошел прочь. Лес кружил голову необыкновенными запахами, свободой от любых условностей Города. Он не просто шел, он парил, точно птица, наслаждаясь своим новым обличем!

И только когда Зверь подходил к границе леса, он вспомнил, что должен маскироваться, прятать истинную сущность. Он вытер заляпанные кровью губы и направился до-

мой, выбирая самые безлюдные переулки и дворы. Была ночь, его никто не заметил...

Глава четвертая

Первые дни после убийства

Утро казалось сумрачным и удивительно серым; короткое русское лето быстро убегало дальше и дальше на юг, уступая место осени, предвестнице холодного, мертвого сезона. Природа хмурилась, сердилась, готовилась всплакнуть обильным дождем. Люди на остановке в ожидании трамвая, ежились, поднимали воротники, каждый из них, наверное, с грустью думал: «Как же так, еще несколько дней назад было относительно тепло и вдруг... Что же ты наделала, госпожа Капризная Погода?» Высокая стройная девушка в ярком, красивом плаще беспокойно поглядывала на небо по другой причине: как бы дождь не размазал по лицу косметику («Дурочка, забыла зонт!»). К счастью, подошел трамвай, она вскочила в вагон, забралась на мягкое сидение. Здесь можно хоть немного подремать. Девушка зевнула и мысленно сказала себе:

– Какая ты несчастная, Лиза! Так рано вставать! Неужели целую жизнь ровно в пять будет трезвонить проклятый будильник? И тебе вечно придется садиться в этот трамвай?..

Лиза закрыла глаза, наступал тот небольшой период, когда она могла помечтать в полудреме. Она уже «покинула» Алексеевск, жила в большом городе – Москве, Санкт-Петербурге, или даже за границей. У нее была собственная маши-

на, дом, богатый поклонник, который каждый день дарил ей дорогой подарок. Про работу медсестры она позабыла, она вообще не работала, а занималась исключительно одним: готовилась к будущей поездке на Багамы...

– Девушка, ваш билет?

(«Приехали!»)

– Проездной! – сердито ответила Лиза. – Пора бы запомнить. Не первый раз езжу этим маршрутом.

Такого прекрасного сна больше уже не было, зато наступил период воспоминаний: вчера они с Костиком классно потусовались в баре. Потом он пригласил Лизу к себе, девушка хорошо понимала, какова цель такого приглашения. Но сделала круглые глаза, когда Костик начал к ней приставать. Лиза сопротивлялась, правда слабо, неумело...

– Ах, – вздохнула девушка. – Если бы на его месте был Ди Каприо. На худой конец Том Круз. Впрочем, подошел бы и Костик. Но ведь он обманет, мама говорит, мужчинам верить нельзя. И что в итоге? Стану я старой, никому не нужной.

У Лизы аж мороз пробежал по коже: ей уже девятнадцать. Ди Каприо и Круз уходили от нее дальше и дальше, а реальный Костик хитро улыбался...

Она и не заметила, что трамвай остановился. Конечная, ее остановка! Лиза с тоской подумала о белом халате и больных. И погода все больше хмурится. Как не хочется выходить!

– Девушка, – на этот раз рассердилась кондуктор, – вы не

проспите остановку?

– Не просплю, – смутилась Лиза и выскочила из трамвая.

Она пробежала по небольшой аллее и оказалась под аркой огромных мрачных ворот. Психиатрическая больница, где она работала, представляла собой длинное, двухэтажное здание, выкрашенное в грязно-серый цвет. Решетки на окнах служили надежными охранниками для больных, изолировали их от кипевшей вне этих стен жизни, с другой стороны, они охраняли тайны самой больницы, иногда по-настоящему жуткие. Каждый раз, когда Лиза оказывалась поблизости, у нее начинало стучать сердце, бесшабашность мгновенно улетучивалось, возникало ощущение страшного замкнутого пространства, которое сжималось вокруг нее! Обычно подобное ощущение быстро проходило, но сейчас Лиза почему-то никак не могла взять себя в руки. От мрачных глухих стен веяло безысходностью; прямо перед девушкой хлопнули двери, заставив Лизу на секунду остановиться, у нее возникло странное чувство, что сейчас эти самые двери закроют мир не только для больных, но и для нее!

«Если бы когда-нибудь вырваться из этих стен!»

Невдалеке радостно заворчал Малыш, самый серьезный охранник больницы. Официально это овчарка (так уверяет медсестра Настя), но у Лизы и других были на сей счет серьезные сомнения. Малыш жил в пристроенной сторожке возле будки сторожа. Если появлялся чужой, он встречал его громким лаем, зато «своих», то есть сотрудников, он знал

по запаху и звуку голосов, при их появлении проявлял бурю эмоций (хотя все понимали, что по-настоящему он любил одну Настю), даже при виде Лизы, уделявшей ему не слишком много внимания. Вот и сейчас она ему лишь кивнула и вошла в здание.

По длинному, бело-голубому коридору Лиза направилась к столику, за которым сидела ее напарница Настя. Несмотря на то, что девушки были сверстницами и работали вместе, подругами они не были. Слишком разные характеры: веселая болтушка Лиза, мечтающая о парнях, о красивой жизни, и молчаливая, меланхоличная, полностью ушедшая в себя и работу Настя. Вероятно, Настя считала Лизу пустышкой, но той было все равно. Сама она давно окрестила Настю монашкой. («Хотя, говорят, у нее даже был ухажер»). Лиза с удивлением подмечала, что мужчины на Настю поглядывают. «Кому интересно встречаться с такой занудой? Только и бубнит: тому больному надо принести то, тому – то... Как будто кроме больных на свете нет ничего. Да и несовременная она, за модой совсем не следит. Нет, если бы я была парнем, сбежала бы от нее на второй день».

– Опаздываешь, – сказала Настя.

Лиза хотела схохмить, втянуть голову в плечи и виновато пробормотать: «Простите, Анастасия Вячеславовна!», но осеклась. Настя выглядела очень бледной, а большие темные глаза смотрели с болезненной усталостью.

– Ты нездорова? – воскликнула Лиза.

– Голова раскалывается.

– Таблетки принимала?

– Не помогают.

– Что же тебе посоветовать?..

– Мне надо на воздух. Прогуляюсь, и все пройдет.

– Настенька, милая... – Лиза прижалась к ней и потерлась носиком о щеку. Настя прекрасно понимала, к чему эти нежности.

– Опять? – строго спросила она.

– Да, солнышко. Подежурь за меня послезавтра. А потом, когда скажешь, я... У меня очень хороший парень, Костик, работает на стройке. Кстати, у него есть друг. Хочешь, познакомлю?

– Спасибо не надо.

– Странная ты, – не сдержалась Лиза. – Ни с кем не встречаешься.

– Оставь решать мои проблемы мне самой.

– Хорошо, – вздохнула Лиза. – Так как насчет замены?..

– Я согласна.

– Умница. Дай я тебя поцелую.

– Не подлизывайся.

– Ты самая лучшая!.. Кстати, как наши больные?

– Вспомнила! Вот, держи журнал. Тут записано, что кому нужно принести.

– Принесем! Принесем! – неожиданная радость по поводу освобождающегося послезавтра вечера закружила Лизу.

– Ты что?! – воскликнула Настя. – Здесь же больница.

– Точно! А я и забыла, – расхохоталась Лиза. – Сейчас переоденусь, а ты спокойно иди домой.

– Да, Лиза...

– Что еще?

– Не понимаешь?

– Опять?

– Опять!

– Но кто?..

– Если бы я знала! Вероника Артемовна рвет и мечет. Мол, только у нас, у нескольких человек ключи от кабинета и, соответственно, доступ к наркотикам.

– Пусть ругается, вызывает милицию. Я тут не при чем.

– Я тебя и не подозреваю.

– Пусть начальство разбирается и все выясняет. А я пошла переодеваться.

– Значит, я тебе тут все записала насчет больных.

– Хорошо, хорошо.

Настя вздохнула, с сожалением посмотрела на свои записи в журнале, словно опасалась, как бы легкомысленная Лиза чего-нибудь не перепутала, потом переделалась и покинула здание больницы.

Свежий ветер принес ей некоторое облегчение, головная боль отступила, однако ее по-прежнему преследовал неприятный разговор с заведующей отделением Вероникой Артемовной Глызиной. Как она возмущалась, даже грозила. На-

сте оставалось лишь выслушивать и тихонько оправдываться. Сама Настя, конечно же, не крада никаких наркотиков, других медсестер подозревать сложно. Однако кто-то же их **ВОРУЕТ!**

Настю отвлек недовольный лай Малыша, если Лизе он мог бы простить невнимание, то любимице Насте – никогда. Она не просто, как никто здесь, ухаживала за четвероногим питомцем, именно она нашла и привела Малыша в больницу.

Возможно, благодаря Насте Малыш вообще остался жив. Когда-то у него был хозяин по имени Петр, но это было очень давно. Однажды Петр заявился домой поздно и, посмотрев на щенка, недовольно бросил:

– Извини, Боб, но у меня нет больше времени заниматься тобой.

А Боб вилял хвостом, стараясь показать хозяину, что он терпел. Терпел весь день и не сделал лужи. А иначе бы ему опять попало...

– Залезай-ка сюда, – Петр посадил щенка в большую сумку и вынес на улицу. План уже был придуман, он спешил к трамваю.

Трамвай подъехал к последней остановке, Петр вышел, растянул сумку. Боб выскочил, лизнул руку хозяина. Он снова терпел, снова не сделал лужи. Но больше терпеть он уже не мог, подбежал прямо к кусту и поднял ножку...

– Тьфу! – сплюнул Петр, – хоть бы отошел в сторону. Все, закончил дела? Теперь ступай за мной.

Щенок едва поспевал за Петром, который шел быстрыми шагами и все время поглядывал в сторону трамвая. Тот уже делает круг, значит, скоро отправится обратно. Главное, успеть...

Они подошли к больничному забору, вокруг которого рос кустарник. Петр раздвинул кусты, бросил тряпку и приказал Бобу:

– Давай сюда! Теперь сиди и жди меня! Вот тебе еда.

Петр быстро пошел к трамваю, а Боб не посмел последовать за ним, он боялся грозного хозяина.

Наступила ночь, щенок сжался в комок, прислушиваясь к каждому незнакомому звуку, чужие запахи пугали, но он, вглядываясь в темноту, все ждал и ждал Петра. К утру, измученный жаждой, он полизал с листьев росу, вздохнув, проглотил колбасу. Вокруг него – новый шум, новые запахи, порой резкие, неприятные. Но нет главного запаха – его хозяина.

Он прождал его целый день и целую ночь, не сходя с места, которое ему указал Петр. Он не мог послушаться, он только повизгивал, призывая хозяина скорее вернуться.

К утру следующего дня голод стал нестерпимым, щенок заскулил сильнее, умоляя Петра прийти. Несчастный Боб и подумать не мог, что никогда его больше не увидит... А вокруг – запахи чужих людей! Они проходили мимо, кто-то смотрел на брошенного щенка с безразличием, кто-то старался поскорее пройти мимо, чтобы не видеть его страданий.

Ему повезло, появилась Настя, она склонилась над Бобом и воскликнула:

– Тебя бросили, крошка? Конечно, бросили! Пойдем со мной.

Собачье сердце подсказало Бобу, что Петр уже не придет. Он снова тяжело вздохнул и понуро поплелся за девушкой. Настя привела Боба в больницу, поселила в пристройке к сторожке, дала ему новое имя Малыш. Малыш быстро рос, превращаясь в «подобие овчарки» и эта кличка уже не подходила ему. Но раз назвали... Многие из персонала его полюбили, и он отвечал взаимностью, но больше всех он, конечно же, обожал Настю.

– ...Милый мой, – Настя ласково потрепала питомца. – С этими проблемами я совершенно забыла про тебя. А ведь в холодильнике остались косточки. Да, да, специально для тебя. Придется вернуться.

Сторож Матвеич случайно оказался рядом и услышал слова девушки. Он даже немного рассердился:

– Ни в коем случае. Знаешь, сколько этот прожорливый товарищ уже сегодня съел? Я говорил нашей поварихе Вале: нельзя так, накормишь собаку.

Он начал перечислять все, что Малыш умял, Настя укоризненно посмотрела на питомца:

– Значит, хотел меня обмануть? Заставить зря вернуться? Малыш и не оправдывался, он ответил девушке красноречивым взглядом: «Да, я уже сыт. Но прошу, побудь немного

со мной».

– Я скоро приду, обязательно приду. Но сейчас я должна уйти...

Как объяснить Малышу, что она не в силах слышать металлического голоса Вероники Артемовны, ее холодного взгляда, незаслуженных упреков. Но главное – ее ждет дома больная мама.

– Так я пойду?

Малыш лизнул ее горячим языком, он прощался с ней...

Недалеко от больницы находилось маленькое кафе.

Настя иногда заходила сюда выпить чашку кофе, съесть пирожное или бутерброд. Ей нравились здесь и относительно дешевизна, и царящая атмосфера, и приятный обходительный хозяин. Настя взглянула на часы: мама наверняка еще спит, так что время у нее есть.

Несколько небольших столиков будто застыли в ожидании посетителей. Хозяин – высокий парень лет двадцати восьми с постоянной улыбкой на лице и очень добрыми глазами при виде Насти залился краской. Его единственная сотрудница – официантка Ирина тут же подошла к шефу и тихонько сказала:

– Пришла твоя королева, Игорь.

Он кивнул и опустил голову.

– Чего ты тянешь? Не подойдешь, не пригласишь ее куда-нибудь? Только так должен поступать мужчина.

– Почему-то не могу, – честно признался Игорь, которому безумно нравилась эта скромная девушка с большими глазами и гладко зачесанными на пробор темными волосами.

– Не робей, – настаивала Ирина. – Девушки любят решительных. А современные девушки – еще те штучки...

– Она другая, – резко бросил Игорь. – И давай не будем!

– Как знаешь. Кто ее станет обслуживать: я или ты?

– Я.

– Хорошо.

Ирина покачала головой, наблюдая, как Игорь нерешительно подходит к Насте. Игорь замечательный человек, но... Слишком уж добрый для этого мира. Не раз возникала ситуация, когда у какого-нибудь студентика не хватало денег расплатиться. Игорь напуская суровый вид, говорил ему:

– В следующий раз принесешь остальное.

«Студентик» пропадал, а там или вообще не появлялся, или «забывал» о долге. А Игорю неудобно было напоминать. Ирина возмущалась, предупреждала шефа:

– Ты так быстро разоришься.

– Выкручусь, – отвечал Игорь.

Однако Ирина знала: Игорь не выкрутится. Маленькое кафе, оставленное ему покойной матерью, скоро пойдет ко дну. И не только из за его щедрости и доброты. Господин Верников, неофициальный хозяин их города, решил прихватить еще и ресторанный бизнес. Он повсюду открывает свои бары, кафе, рестораны, ночные клубы. Конкуренты Верникову

не нужны, и глава администрации Алексеевска его большой друг... Сколько уже маленьких кафе «канули в вечность»!

«Надо искать новую работу», – грустно подумала Ирина, наблюдая, как ее шеф принимает у Насти заказ.

– ...Итак, вам?..

– Чашку кофе и бутерброд с сыром.

– У нас есть замечательные булочки.

– Нет, спасибо.

– За счет заведения, – пробормотал Игорь и окончательно ступешевался, поскольку посчитал, что сказал глупость.

– Я вам очень благодарна. С удовольствием попробую булочки, только... я сама заплачу.

Настя взглянула на Игоря своими большими глазами и тут же отвела их. Девушка поймала себя на мысли, что Игорь ей симпатичен. Но после той истории с Геннадием она стала относиться к молодым людям несколько настороженно.

Игорь опять же не смог найти нужных слов, лишь закивал и ушел. Ирина отпустила очередную шутку по поводу «слишком робких мужчин», однако он не отреагировал. Удивительная девушка с бледным лицом и большими глазами напомнила ему серну. Он любовался Настей и был не в силах оторвать от нее взгляд...

– Эй, друг, не заснул?

– Что?

– Спустись на грешную землю, – засмеялась Ирина. – Видишь у нас клиентка. Вот кофе, булочка и бутерброд с сы-

ром. Или я все-таки сама ее обслужу?

– Нет, нет, я!

В этот самый момент в кафе вошли несколько мужчин и женщин, что-то взволнованно обсуждающих. Игорю пришлось переключиться на них. Настя так же невольно слушала обрывки разговора:

– Убили! Да как зверски!..

– Именно зверски! Он просто терзал ее труп...

– Может, это ограбление?..

– При ограблении так жестоко не убивают...

– А вдруг это опять тот маньяк?..

– Наверняка! Скоро ходить по улицам будет невозможно...

– Но как жалко женщину. Она ведь работала в роддоме...

«В роддоме?» – сразу насторожилась Настя. Она знала многих работающих там врачей и медсестер. Она подошла к посетителям кафе:

– Извините...

– Вам что, девушка? – спросил плотный мужчина с родимым пятном на щеке.

– Я случайно услышала... Вы сказали, убили женщину из роддома...

– Да. В лесу, недалеко от дома, где она жила. Так, по крайней мере, говорят люди.

– Туда не пробиться, место оцеплено милицией, – взволнованно сказала его соседка. – Мы узнали о происшествии

со слов других. От них же мы выяснили имя жертвы и место ее работы.

– И кто это?.. Нет, нет, не подумайте о простом любопытстве. Я сама работаю в больнице, лично знаю многих врачей и медсестер в городе.

– Ее фамилия Самсонова.

– Самсонова?!.. Анфиса Константиновна?!..

Настя действительно знала Анфису Константиновну.

Правда, не слишком хорошо. Оставался еще один не менее страшный вопрос:

– Вы сказали, что действовал маньяк?

– Да, да, – воскликнула женщина. – Очевидцы рассказывают, ей прогрызли горло, а потом рвали на части органы. Помните, некоторое время назад так же жестоко убили другую женщину, продавщицу из магазина?

Тот случай потряс весь Алексеевск. Маньяка не нашли, но после этого случая подобных убийств в городе не было. И вот опять...

Перед глазами Насти вдруг возник темный силуэт, с темным пятном вместо лица. Неизвестный с торжествующим смехом бросился на нее... Настя вскрикнула, отшатнулась, но поняла, что это мираж. Посетители кафе посмотрели на нее кто с удивлением, кто с сочувствием. Та же разговорчивая женщина заметила:

– На вас так подействовала эта история?

– Да...

У нее возникло странное ощущение, что маньяк рядом и готовится нанести новый удар. Только теперь жертвой может стать сама Настя. К счастью, это ощущение быстро прошло. Она опять присела за свой столик. Какое кошмарное утро! Воровство в больнице, неприятный разговор с Вероникой Артемовной, новое страшное убийство в городе...

У Насти снова сильно заломило виски. Пора домой, мама уже проснулась... Девушка не сразу заметила, что к ней подошел Игорь:

– Вам нехорошо? Может быть, что-то нужно?

– Не волнуйтесь. Мне гораздо лучше, – соврала Настя.

Зверское преступление произошло спустя две недели по приезду Онежского в Алексеевск. Милиция и прокуратура города были поставлены «на уши», начальство требовало немедленно поймать опасного маньяка. Работали лучшие специалисты, но пока вся их работа результата не приносила. Правда, новых кровавых злодеяний, подобных убийству в лесу, пока не происходило. Но ведь между первым и вторым преступлениями маньяка тоже прошло некоторое время. Он временно залег «на дно»?

Виктор просматривал материалы дела, когда к нему зашел Рыков. Григорий Семенович сочувственно покачал головой:

– Ни минуты покоя, Виктор Иванович?

– Да, – согласился Онежский. – Знаете, о чем я думаю? О личности убитой. Почему жертвой стала именно она?

– Ах, Виктор Иванович, – вздохнул Рыков. – Разве нам

дано проникнуть в фантазии больного человека?

– То есть вы считаете, на месте Самсоновой могла быть любая другая женщина?

– Безусловно. Вы ведь уже ознакомились с показаниями Анны Ильиничны Родионовой? Старушка уверяет, что она предупреждала Самсонову не выходить на прогулку в ночной лес. Предупреждала о большой преступности. Самсонова не послушала. Преступность! – вздохнул Рыков, – к сожалению, это проблема сегодняшнего дня.

– Анна Ильинична считает, что жертва была чем-то взволнована.

– Нет, нет, Виктор Иванович, давайте уточним, я ведь также внимательно ознакомился с протоколом: ей ПОКАЗАЛОСЬ, будто Анфиса Константиновна НЕМНОГО ВОЛНОВАЛАСЬ.

– И где же тут противоречие?

– Давайте посмотрим на дело с несколько иной стороны: возраст у Анны Ильиничны почтенный. Она слишком потрясена произошедшим. В таких случаях люди, особенно пожилые, начинают выдавать желаемое за действительное. И когда она говорит, что «немного волновалась», ключевым является слово «немного». На самом деле Анфиса Константиновна могла быть совершенно спокойной.

– Григорий Семенович, вот точные слова Родионовой: «Она была будто не в своей тарелке, когда пошла в сторону леса, несколько раз оглянулась...»

– Предположим. Но почему, точнее, после чего убитая стала оглядываться?

– ?!..

– После предупреждения старушки-соседки о большой опасности. Такие «пророчества» кого хочешь напугают. Анна Ильинична ведь не думала, что окажется провидицей.

– Почему вы так упорно отмечаете версию, что убить хотели именно Самсонову?

– Конечно, ни отметить, ни опровергать ничего нельзя. Однако, дорогой Виктор Иванович, послушайте совета опытного человека, который хорошо знает обстановку в городе. Мы проверили биографию Самсоновой... Нет, мы перевернули всю ее производственную и личную жизнь! Никогда никакого криминала за ней не числилось. Ее убил мажор, потому что он ХОЧЕТ УБИВАТЬ. Почему незадолго до этого он убил гражданку Евдокимову? Кому помешала скромная продавщица? Кому могла помешать медсестра из роддома? Допустим (только допустим!) Анна Ильинична права: Самсонова действительно из-за чего-то волновалась. Что следует из этого? Ничего. У человека неприятности на работе, плохое самочувствие и так далее. Наконец, она могла волноваться из-за того, что не складывается, например, личная жизнь.

Онежский с любопытством посмотрел на Григория Семеновича:

– Как вы все четко разложили по полочкам.

– По-прежнему не согласны?

– Надо все обдумать.

– Думайте, Виктор Иванович. Но не сегодня.

– Не сегодня?

– Работа работой, но мы с вами приглашены в ночной клуб

«Волшебный сон» на выступление Глории.

– Право слово...

– Нельзя, нельзя отказываться Виктор Иванович. Наше начальство там будет.

– Раз начальство...

– Кроме того, она ведь вам понравилась.

– Кто?

– Мария Нестерова, то бишь Глория.

– Любопытная информация.

– Виктор Иванович, я старше вас едва ли не в два раза.

Мой опыт – это мой опыт. Я заметил, как тогда в машине вы смотрели на ее афишу.

– Ах, это...

– Именно, Виктор Иванович! Вы были на ее концерте?

– Нет.

– Вот видите! Срочно исправить ошибку! – уже в который раз Григорий Семенович залился таким знакомым смехом.

Виктор согласился принять предложение, он считал, что давно пора зайти в этот клуб и посмотреть на Глорию. Вновь и вновь он вспоминал странный сон своей юности. Что за таинственная нить связывает его с незнакомой танцовщицей

из Алексеевска?

Ночной клуб «Волшебный сон» сиял огнями, швейцары при входе учтиво кланялись публике, в основном, местной элите. Внутри все столики были заняты; столбом стоял табачный дым, из которого, как челноки из тумана, появлялись изящные официантки. Они не шли, а порхали, будто бабочки, под сладкие взгляды посетителей мужчин.

– Нам сюда, – Рыков обнял Виктора за плечи, подвел к столику, что стоял в углу недалеко от сцены. Здесь уже разместились трое: непосредственный начальник Онежского Василий Леонтьевич Струков, невысокий, седоволосый мужчина, на лице которого никогда не проявлялось никаких эмоций, руководитель так называемой «конторы» Алексеевска Денис Денисович Пушкарев, полный, с большой, лысой, похожей на мяч головой и еще один человек, которого Онежский ранее лично не встречал, но прекрасно знал по многочисленным фотографиям в местной прессе и выступлениям по телевидению. Человек этот тут же протянул Онежскому руку:

– Рад нашему знакомству. Слышал, с каким рвением вы взялись за дела.

– Стараюсь, – немногословно ответил Виктор и внимательно всмотрелся в самого богатого человека в городе Дмитрия Алексеевича Верникова. И сразу понял, человек этот волевой, что чувствовалось по сильному пожатию руки,

по пронзительному взгляду больших черных глаз. У Виктора возникло странное чувство, будто два различных существа, две противоположных силы соединились в плоти Дмитрия. Когда он улыбался, то превращался в скромного, даже застенчивого относительно молодого еще человека (ему вероятно нет и сорока), с игрившим, как у ребенка, румянцем на щеках. Но стоило ему повернуться в профиль, как хищный нос вкупе с огненными глазами ясно говорили: перед вами тот, кто при желании подомнет под себя любого вставшего у него на пути.

– Товарищ полковник, – начал было Виктор, обращаясь к своему непосредственному начальству, но Верников его прервал:

– Извините, Виктор Иванович, извините, господа, но может мы сегодняшним вечером без чинов и докладов? Василий Леонтьевич?..

– Я не против, – с традиционной невозмутимостью ответил Струков.

– Вот и прекрасно! Присаживайтесь, господа, присаживайтесь! Виктор Иванович, я взял на себя смелость заказать кое-что из спиртного.

– Я пью мало.

– Я тоже, но иногда следует расслабиться. Тем более, на сегодняшнем выступлении. Глория, это настоящее чудо города. Главный бриллиант в нашей короне, хотя «бриллиантов» у нас, как вы успели заметить, много. Здесь, в Русском

Черноземье, столько богатств! Только бери их и используй во благо России и ее замечательного народа.

Официантка наполнила бокалы опоздавших Рыкова и Онежского, Верников поднял свой и несколько извиняющимся тоном произнес:

– По старшинству, по занимаемому положению должны говорить либо наш уважаемый Денис Денисович, либо Василий Леонтьевич. Но разрешите мне. Хочу произнести тост за человека явно недюжинного ума, который вливается в наш замечательный коллектив. Да, да, Виктор Иванович, я тоже член коллектива, поскольку по возможности помогаю правоохранительным органам Алексеевска.

– Дмитрий Алексеевич решает целый комплекс вопросов, связанных с материальным обеспечением, – вставил Струков, – новые машины, обмундирование. Раз государство не в состоянии...

– Государство нынче бедное, – вздохнул руководитель «конторы».

– Не будем о грустном, – умоляюще произнес Верников. – Итак, за нового центуриона нашего города! Надеюсь, мы подружимся.

– Хорошие люди должны дружить, – дипломатично ответил Онежский. Правда, он не выпил, а просто пригубил, несмотря на недовольные возгласы: «До дна! До дна!» Руководитель «конторы» пробурчал:

– Настоящие мужики так не поступают.

– Каждый пьет в меру своих возможностей, – примирительно заметил Верников. – Я, Виктор Иванович, ознакомился с одной из ваших статей, любопытно, доложу вам, любопытно. – И руководителю «конторы». – Денис Денисович, вы не знакомы с теорией господина Онежского? Он утверждает, что любой убийца – человек с больной психикой. И что его можно опознать по определенным нормам и стереотипам поведения. Такого интересного специалиста я бы пригласил к себе, в свою фирму. Но не будем пока о делах. Вы видели выступление Глории?

– Нет. Но сейчас посмотрю на ваш бриллиант. Кстати, кто она? Откуда?

– Жена нашего главного архитектора. Вон он сидит с товарищем через два столика от нас. Нет, нет, не постоянно жующий толстяк, а тот, что рядом с ним.

Муж танцовщицы был полной противоположностью своему соседу: худой, с осунувшимся печальным лицом, в котором, однако, проглядывало благородство.

– Глория выступала в Санкт-Петербурге, – продолжал Верников. – Однако Михаил (ее муж) уговорил ее приехать к нам в Алексеевск. Я ее видел еще в северной столице, она поразила меня и специально для Глории я построил этот клуб. Назвал его «Волшебный сон». Знаете почему? Потому что Глория – это и есть волшебный сон!

Онежский посмотрел на Дмитрия и вдруг начал догадываться: она ему безумно нравится. А может они любовники?

Свет в зале стал потихоньку гаснуть, шум в баре сразу стих, воцарилась тишина, в которой ощущалось... напряжение. Все ждали чего-то необычного, и это ожидание невольно передалось Виктору, по его жилам, будто, пробежал электрический ток.

А затем грянули первые аккорды, несколько лучей упали на небольшую круглую сцену, вспыхнул экран, и появилась проекция удивительного по красоте сада;

деревья, казалось, застыли здесь в вечном цветении, благоухали цветы, от ярких красок которых рябило в глазах; подпевая в такт музыке волшебными голосами, порхали птицы; то тут, то там мелькали бабочки, когда камера приближалась к ним, перед зрителями возникали их крылышки, расцвеченные самыми невероятными узорами. Между деревьями – дубами, кипарисами, пальмами прогуливались животные. Кого только здесь не было: грозные короли звериного мира львы и стройные красавицы лани, блистающие красным золотом шкур лисицы и юркие зайцы, и многие-многие другие – все мирно уживались в этой чудесной долине Доброты.

«Очевидно, имеется в виду райский сад», – подумал Онежский.

Но вот среди царства Красоты появилось самое прекрасное Божественное творение – Женщина! Виктору показалось, что он оглох, и не удивительно, зал раскололся от аплодисментов. К зрителям вышла Глория.

Сначала Виктор решил, что она обнажена, но нет, ее нагота – обман, тело танцовщицы плотно облегалo полупрозрачное трико, которое словно подчеркивало совершенство божественной фигуры. Онежский, как бы невзначай, перевел взгляд на Верникова; глаза Дмитрия были прикованы к сцене, губы что-то шептали, но различить этот шепот было невозможно.

А Глория вспорхнула и, подобно птице, полетела по сцене. Улыбка ее была чиста и невинна, движения – легкими, плавными и дополнялись шанэ, батманами, пируэтами. Сколько же в ней грации, изящества, будто совершенная женщина – прародительница Ева спустилась к современным людям, дабы подарить им хотя бы частицу своего совершенства.

Но ведь это и есть Ева, ее прообраз!

В музыке зазвучали тревожные аккорды, луч прожектора скользнул вверх, Виктор увидел, что прямо с колосников по лиане спускается огромный Змей, чешуя которого сверкает и переливается, точно украшенная крохотными изумрудами. Змей внимательно и упорно смотрит на Еву, а она, вместо того, чтобы бежать, сама не в силах оторвать взора от необыкновенного создания. Дерзкий гипноз продолжается. Тело актрисы становится мягким, податливым, Змей обвивает его, и в руках пленницы, словно невзначай, оказывается золотое яблоко. Ева по-прежнему смотрит на совратителя с доверчивой улыбкой, потом откусывает кусочек и глотает.

Аккорд в оркестре прозвучал так, будто удар ножа обо-

рвал чью-то жизнь. Скрипки, тихо рыдая, уступили место медным инструментам. На лице Евы, сменяя друг друга, проносятся недоумение, беспокойство, стыдливость. Она с тревогой осматривает свое обнаженное тело и отчаянно ищет, чем бы прикрыть его. Спокойствие и умиротворение навсегда исчезли из ее глаз, теперь их переполняет страх.

И вот перед нами уже другая Ева: ее движения стали резкими, порывистыми. Как будто сжигаемая неистовым огнем, она мечется, мечется, хочет увидеть совратителя Змея, однако исчез враг рода человеческого, оставив ей долгие, неисчислимые страдания.

Ева вновь улыбается, но в той улыбке проскальзывает что-то порочное. Она извивается, становясь подобием Змея, вихрем пронесится по сцене и, наконец, застывает в позе отчаяния. Луч прожектора впивается ей в лицо, и зрители видят застывшую на нем маску ужаса.

Танец закончен, а зал несколько секунд приходит в себя и только после этого взрывается новым оглушительным громом аплодисментов, возгласами: «браво!», «бис!». Глория уходит, потом снова появляется, укутанная темной материей, снова кланяется. И так несколько раз, пока не исчезает за кулисами. Среди громких реплик: «Бесподобно...», «Великая танцовщица!..», «Как поставлен номер!..» и прочее, Виктор слышит простой вопрос Дмитрия:

– Ну, как?

Вопрос обращен к Онежскому. Что можно ответить?

– Блестящая женщина! Высочайший мастер.

– Вы абсолютно правы, – в словах Верникова вдруг послышалась некая грусть. – Она обычно открывает шоу. Танцует всего один танец. Иногда – два. Представление продолжится, но вряд ли вы сможете его смотреть. Все слишком буднично и неинтересно.

– Обычно ударный номер запускают в конце любого представления.

– Правильно. Но таково ее условие...

Номера следовали один за другим: фокусники, певцы, пародисты и т. д., однако у Виктора сложилось ощущение, что никто особенно не смотрел на сцену. Все вспоминали Глорию. Верников подозвал официантку, тихонько прошептал:

– Еще не ушла?.. Да, да, букет! Самый большой и красивый.

– Пригласите ее за наш столик, – предложил Виктор, которому так же не терпелось познакомиться с Глорией.

– Она не придет, – сухо ответил Дмитрий.

Разговоры о танцовщице как-то сразу прекратились, а спустя некоторое время, все вспомнили о позднем времени, о завтрашних делах и разошлись. Провожал Виктора Григорий Семенович, который опять без видимой причины заливался смехом, и, как бы между прочим, заметил:

– Хороший вечер. Такие знакомства вам не помешают.

– Не помешают, – согласился Онежский.

– Хотя... Вы, вероятно, не собираетесь долго у нас задер-

живаться?

– С чего вы решили?

– Не смешите, Виктор Иванович, молодой, карьерный человек, умеющий вести себя в любом обществе. Из таких как вы, выходят Генеральные прокуроры.

– Не преувеличивайте моих достоинств.

– Правда, правда. Кстати, вы ведь учились с одним из наших сотрудников? С Цветковым Сергеем Владимировичем?

– Да.

– Между нами: ваше мнение о нем?

– Когда я его знал, он был отличным парнем.

– Вы дружили?

– Дружили, и одно время – сильно.

– А потом?

– Как вам сказать, между нами возникло некоторое недопонимание... Но мы остались в хороших отношениях. Цветков человек достойный.

– Понятно. Вот и приехали. Кстати, вам пора подумать о собственной квартире.

– Меня устраивает гостиница.

– Да, да, одинокому мужчине лучше в гостинице. А почему одинокому? Столько красивых девушек вокруг. И у меня есть пара приятельниц... – Григорий Семенович просто давился от смеха. – Такие классные штучки.

– Целых две, Григорий Семенович? Многовато для меня будет!.. Спасибо, до завтра. Точнее, увидимся уже сегодня

через несколько часов.

– До свидания, Виктор Иванович.

Виктор вылез и, как бы невзначай, обернулся. Даже в темноте видно, что Григорий Семенович не улыбается.

Онежский поднялся к себе в номер, разделся, лег в кровать. Однако, несмотря на поздний час, долго не мог уснуть, все анализировал последние события. Злодейское убийство женщины... Скорее всего, действовал маньяк. Рыков усиленно убеждает, что жертвы выбраны случайно. А если нет?.. Продавщица из магазина и медсестра из роддома – что у них общего? Ничего, кроме пола и возраста. Выходит, убивают женщин средних лет, и, по большому счету, Рыков прав?

А если нет?

Далее, почему столько людей напрашиваются к нему в друзья? Сначала Григорий Семенович, потом Верников («Надеюсь, мы подружмся!»)... Чем их так привлек новый следователь?

Разговор с Рыковым в машине... Явная попытка выяснить их отношения с Цветковым. Зачем? Обычное любопытство или здесь что-то еще?

Постепенно мысли Виктора сосредотачивались на удивительной танцовщице Глории. Виктору почему-то казалось, что ее глаза во время танца были обращены... к нему. Женщина о чем-то просила. Но о чем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.